

Николай Штаченко *На службе двух государств*

Записки офицера-пограничника

Николай Штаченко

**На службе двух государств.
Записки офицера-пограничника**

«Издательские решения»

Штаченко Н.

На службе двух государств. Записки офицера-пограничника /
Н. Штаченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907913-8

Автор дает подробное описание учебного процесса, бытовых и культурных условий подготовки курсантов Алма-Атинского высшего пограничного командного училища КГБ СССР им. Дзержинского в конце прошлого столетия и формирования учебного процесса академии пограничной службы Украины в начале XXI века. Книга может рассматриваться как документ прошедшей эпохи.

ISBN 978-5-44-907913-8

© Штаченко Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Записки офицера-пограничника	7
Мои родители	8
Мое детство	15
Школьные годы	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

На службе двух государств Записки офицера-пограничника

Николай Штаченко

© Николай Штаченко, 2018

ISBN 978-5-4490-7913-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Имею честь представить для широкого круга читателей книгу моего товарища, однокашника по пограничному училищу и сослуживца по Каахкинскому пограничному отряду полковника Штаченко Николая Николаевича. Появление этой книги для меня было несколько удивительным, потому что представители командного звена и выпускники строевых академий не склонны к лирическим размышлениям и изложению их на бумаге. Вероятно, преподавательская деятельность, всё-таки, является одним из видов творческой деятельности, потому что любая книга является действенным средством воспитания. Я не скажу, что мы с Николаем были не разлей вода. Учились в разных группах, род деятельности по службе не предполагал точек соприкосновения, затем в середине семидесятых мы оба уехали учиться в академии и наши пути разошлись в разные стороны, однако мне знакомы те ситуации и люди, которые упоминаются в книге. Я помню Николая скромным офицером, серьёзно относившимся к военной службе и своей должности, связанной с обучением молодых солдат. Он, как и я, выходец из простого народа и не имел мохнатых лап, достигая продвижения по службе своим трудом и своими способностями. И что интересно, его оценки совпадают с моими, что косвенно свидетельствует об их объективности. Николаю пришлось уходить из Казахстана в Украину, мне пришлось выходить из Закавказья на российский Северный Кавказ, нам пришлось быть свидетелями крушения империи и начала новой жизни в новых государствах. Николай Штаченко очень точно описал условия жизни людей того времени и их движения по социальным лифтам. Можно смело сказать, что эта книга является историческим документом, к которому еще будут обращаться историки, осознающие, что же всё-таки произошло на просторах России. Книга полезна и молодому поколению, решающему сделать жизнь с кого. Делайте жизнь с него. И вы сможете достичь всего, что написано вам на роду и что желаете достичь сами.

Олег Северюхин, полковник в отставке, выпускник 2 дивизиона Алма-Атинского Высшего пограничного командного училища, май 1971 года

Записки офицера-пограничника

Достигнув своего 70-ти летнего возраста, приходится оглянуться назад и посмотреть на прожитые годы, посмотреть, чего я достиг и как это мне давалось. Что я делал правильно в своей жизни, какие допускал промахи, ошибки, как я преодолевал трудности, идя к намеченным целям.

Будучи сельским мальчиком, выросшим в многодетной семье, с 15-ти лет обретя самостоятельность, я карабкался по жизненным ступеням, подымаясь вверх, и в военной области, начиная с рядового солдата-пограничника, достиг своего предела – стал полковником Пограничных войск Советского Союза и закончил службу в независимой Украине также полковником, имея почетное звание Заслуженного учителя Украины. Пусть читают «Записки офицера-пограничника» мои внуки, племянники, курсанты и молодые офицеры может быть возьмут что-то полезного для себя и научатся выдерживать правильные ориентиры в своей жизни.

Мои родители

Я, Штаченко Николай Николаевич, родился 12 января 1947 года в п. г. т. Лиховка, Лиховского района, Днепропетровской области.

Наш поселок до 1957 года был районным центром, в котором проживало до 10 тыс. чел. Что он из себя представлял?

В самом центре поселка находился районный комитет КПСС (райком партии) и райисполком, районный отдел милиции, было 10 магазинов, больница, поликлиника, автобусная станция. В трехэтажном здании работал молоко-сыр завод; имелись в поселке колбасный цех, пекарня, межколхозная инкубаторная станция и другие мелкие предприятия, а также, – свой рынок, работавший по воскресеньям.

В нашем поселке работали одна средняя, две восьмилетние и две начальные школы, и Лиховская музыкальная школа. Имелся дом культуры и две сельские библиотеки.

На юго-западной окраине поселка располагалась МТС (машинно-тракторная станция), где находились трактора и комбайны, которые использовались на полях колхозов и совхозов района. Поселок обеспечивался электричеством от работающего на МТС двигателя. Электричеством, в основном, обеспечивались школы, больница, магазины, здания районной администрации и еще какие-то предприятия. Улицы в ночное время не освещались, и жилье местных жителей было не электрифицировано.

Полная электрификация всех улиц нашего поселка была завершена к началу 1963 года. К концу 40-х годов XX столетия в нашем колхозе им. Суворова было только три-четыре автомашины: одна «полуторка», один ЗИС-5 и ЗИС-150.

Наша улица Степная – последняя улица на северной окраине поселка. Ее еще называли Мишуринским клином. За ней шли сплошные колхозные и совхозные поля и посадки.

Ближайшие села нашего района: западнее Лиховки, в 6 км – Липовое; северо-западнее, в 5 км – Верх-Камянистая, правее ее и далее 1 км – Грабовый лес; правее леса и в 8 км от нашей улицы – Билевщина; прямо на север, в 18 км – Мишурин Рог; северо-восточнее, в 6 км – Ганевка; западнее, в 3 км – Бузовая; ближайšie города: прямо на юг, в 30 км – г. Вольногорск; юго-западнее, в 50 км – г. Пятихатки; прямо на восток, в 55 км – г. Верхнеднепровск; на восток, в 70 км – г. Днепродзержинск (ныне Каменское); 120 км на восток – г. Днепропетровск (ныне г. Днепр)

Мои родители: отец – Штаченко Николай Ефимович 1909 г.р., мать – Штаченко (Похил) Домна Ивановна 1912 г. р. Отец был родом с Кировоградской области, мать – с п. г. т. Лиховка. Когда я родился, отец работал в совхозе им. Кутузова на разных работах: летом – на сенокосилке, упряженной быками, косил траву, занимался прополкой полевых культур (свекла, кукуруза, подсолнечник) на закрепленных участках, зимой – сторожил на полевом току. Мать работала на сезонных работах в летний период в колхозе им. Суворова, занималась домашним хозяйством и нянчила детей, которых до моего рождения было уже четверо. Мои старшие братья и старшая сестра родились в пригороде г. Днепропетровска, в Диевке, до Великой Отечественной войны: Виктор – 20 сентября 1935 г., Владимир – 7 декабря 1937 г., Люда – 5 сентября 1939 г., Анатолий – 25 января 1942 г.

Своих бабушек и дедушек я не знаю. По рассказам родителей, за исключением бабушки, – мамы моего отца – они умерли в 1933 году в период голода на Украине. Часто мама нам в детстве много рассказывала о своих родителях. Отец редко находился дома, рассказы о его родителях были скудные, поэтому я мало что помню о них.

Родители мамы родились и проживали в поселке Лиховка. Дед Иван был участником Первой мировой войны (1914—1918 годов). Ушел мой дед на войну, когда маме не было еще и двух годиков, а вернулся в 1918г. Мама говорила: «Мне было 6 лет, сижу на печке не слезаю,

а какой-то мужчина, одетый в военную форму, все ходит по хате взад-вперед. Моя мама мне говорила: „Слезай, не бойся – это твой папа“. А я все из-за угла выглядывала, все боялась слезать. Только через три дня осмелела и, наконец, подошла к отцу».

Мама рассказывала, что в школу она ходила три года; в школе учиться ей хотелось, но ее мама ей говорила: «Школа кушать не даст, садись за пряжку и пряди нитки для дорожек». Так что после окончания трех классов больше в школу не ходила.

Знаю я еще, что у моей мамы были: старший брат Иван и младший – Алексей.

Мой отец выходец из большой семьи. У него три сестры – Галина, Ефросинья, Нина, и три брата – Родион, Иван и Григорий. Отец в школу вообще не ходил. Его читать и писать научил старший брат Иван.

После окончания Гражданской войны (1920 г.), помещичью землю поделили между крестьянами, в зависимости от количества едоков, – по 1 десятине на едока. Семья моего деда Ивана получила надел в 5 десятин, что примерно равно 5 га.

Работал дед в летний период каждый день от зари до зари: выращивал и убирал зерновые культуры, овощи, занимался заготовкой сена для худобы и другими работами. На проданные излишки продовольствия, к 1928 г., приобрел пару лошадей, пару тягловых волов, плуг, бороны, сеялку, веялку, две подводы и другой сельскохозяйственный инвентарь. Было две коровы, телка, пара бычков, четыре-пять свиней и десятка три курей. За это время построили новую хату, клуню, накупили и хранили в сундуках много новой хорошей одежды. Но по соседству, то справа – то слева, проживали и такие хозяева, которые ленились заниматься хозяйством, больше пролеживали и пьянствовали, их наделы зарастали бурьянами. Мама рассказывала, что дед ходил к этим лодырям и предлагал: «Послушай сосед, твое поле гуляет, заросло бурьяном, давай я вспашу его и засею, буду обрабатывать, а урожай поделим пополам. Ну, как, – согласен?»

И они, конечно, соглашались на такие условия. Моему деду и старшему брату моей мамы было тяжело одним справляться, поэтому для обработки и уборки урожая дед нанимал на сезон работников.

С 1928 года в стране был принят курс на коллективизацию сельского хозяйства. Начали проводиться сельские сходки крестьян, на которых советскими и партийными работниками, а также сельскими активистами проводилась агитационная работа по вовлечению крестьян в колхозы (коллективные хозяйства). Создавались сельские комбеды (комитеты бедноты) при сельсоветах. Кто же входил в эти комитеты бедноты? Как говорила мама, в комитеты бедноты вступали, в основном, крестьяне, которые ленились работать и обрабатывать свою землю. Они и оказались самыми бедными, зато были активными сторонниками колхозов – там ведь можно за чужими спинами увильнуть от работы и лодырничать. Их, вполне, колхозы и устраивали. Трудолюбивые крестьяне, которые стали зажиточными (их называли кулаками и середняками), выступали против создания колхозов. В числе их оказался и мой дед, который часто выступал на сходках против создания колхозов.

А что значило вступить в колхоз?

А это значило, что крестьянин должен сдать в колхоз бесплатно: рабочий скот (волы, лошади), домашнюю худобу (коровы, свиньи, телки, бычки), весь сельскохозяйственный инвентарь, так называемые, излишки зерна и овощей для посева и посадки. Добровольная коллективизация не получалась, поэтому перешли с 1930 года к насильственной коллективизации.

Мама рассказывала: «Мои родители, видя такую заварушку на селе, сказали: „Дочка, тут тебе жизни не будет, уезжай в город“ и я, в 17 лет, уехала в г. Днепропетровск. Устроилась в городе у одних учителей домработницей. Глава семейства был директором школы, его жена работала учителем. У них было двое детей дошкольного возраста и я присматривала за ними».

Таким образом, моя мама была домработницей в учителей три года, до тех пор, пока не познакомилась и не вышла замуж за моего отца, в 1932 году.

Вышла замуж и, конечно, возник вопрос с устройством на работу. И тут возникли трудности. Дело в том, что в сельсовете, в Лиховке, маме выдали документ, вместо паспорта (тогда в селах паспортов не выдавали), – справку с места жительства, в которой было указано «Дочь кулацкого прихвостня». И куда бы она ни являлась, в какую бы организацию ни пыталась устроиться на работу, – ей везде отказывали.

Отец работал на заводе им. Петровского, был рабочим. Вот так и жили на одну небольшую зарплату.

А что же было с родителями моей мамы в начале 1933 года?

Ее отца, моего деда, признали кулаком (кулацким прихвостнем), и, как в то время делали совдепы, отобрали лошадей, всю худобу, рабочий скот (волов), сельскохозяйственный инвентарь, собранный урожай, пожитки и выгнали из дому. Хату продали с молотка.

Лишенные средств существования, ее родители, бездомные и голодные, находились возле клуни несколько недель, пока и не померли с голоду. Где они захоронены? Так никто не знает до сих пор.

Мои родители, после женитьбы, прожили вместе полгода, наступил голодный 1933 год. Где-то в мае месяце отцу пришла повестка на прохождение службы в армии. В то время служба в армии представляла – прохождение обучения на 3-х месячных военных сборах, в лагерях, – один раз в год. Направили отца на сборы в военные лагеря под г. Павлоград.

А как же мама?

Накануне отец ходил к директору завода и просил, чтобы маму, на период его отсутствия, приняли на работу в заводскую столовую. Директор пообещал принять и сказал: «Пусть в понедельник выходит».

Отец рано утром, в мае месяце, в назначенный понедельник, уезжает в военные лагеря для прохождения службы, а мама выходит на работу в столовую, предупредив заведующую о решении директора, и приступает к работе: помогает поварам, возится с горячими кастрюлями у плиты, моет посуду. Где-то к обеду, в тот же день, зашел в столовую директор завода и, увидев маму, сказал:

– А вы, что здесь делаете?

– Вы же сказали моему мужу, чтобы я выходила на работу, – ответила мама. Директор сказал:

– Я вашему мужу этого не говорил и не обещал, так что больше не выходите на работу.

Мама нам, малым детям, говорила: «Я держала в руках кастрюлю с горячим борщом, и как услышала эти слова директора, так выронила из рук эту кастрюлю и в беспомощности свалилась с ног, хорошо, что не обожглась».

– Сижу дома на квартире во времянке, – говорила мама, – доедаю последние продукты. Прошло несколько дней, сижу голодаю, опухла, еле двигаюсь. Думаю, что же мне делать? – ведь помру же с голоду. И решила, будь что будет, – пойду к старшему брату мужа, Ивану. Как-то меня примут?

Брат моего отца, Иван, по рассказам отца, в то время в г. Днепропетровске занимал важную должность – начальника боевой подготовки областного управления НКВД. Он был грамотным человеком, – до армии закончил 7 классов и работал начальником почты. Потом его призвали в армию, закончил офицерскую школу, служил в одной из воинских частей, а оттуда – перевели заниматься боевой подготовкой в НКВД.

Вот и пошла мама к ним спасаться от голодной смерти.

– Нашла их дом, квартиру, стучу в двери, открывает двери Иван, говорю: «Николай уехал в лагеря на 3 месяца для прохождения военной службы, меня на работу не принимают, не знаю, что мне делать, пришла искать спасения у вас, если вы не откажете?». Пропустил он меня в квартиру, а там полно его родни: жена Оля, двое маленьких сыновей, младшая его сестра – Нина, его мама – моя свекровь. Накормили меня немного отварной картошкой с селедкой. Иван сказал, что не жалко еды, но после длительного голодания, опасно сразу наедаться.

Благодаря им мама выжила и дождалась прибытия моего отца со службы.

После прибытия отца со службы в армии, мои родители стали жить в отдельной старенькой хате – времянке. После они купили себе хату, не дорого, там же в Диевке – пригород г. Днепропетровска. Отец продолжал работать на заводе им. Петровского, а маму, наконец-то, в начале 1934 г. приняли на работу в стройуправление на стройку – разнорабочим. Вот она и участвовала в строительстве ДИИТА (Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта). Разнорабочие колотили раствор, «козлами» на спине носили кирпич, подавали его каменщикам, чистили территорию, копали траншеи и другие работы. Работали, в основном, за еду, – а давали в то время одну похлебку.

Однажды летом, в одно из воскресений вечером, в 1934 г. к родителям приехал в гости старший брат отца – Родион.

Посидели вечером все вместе допоздна. Родион сказал, что у него в городе дела и что он, во вторник, уедет. В понедельник, вечером, отец ушел на работу в ночную смену, а мама осталась с Родионом дома.

– Подошел вечер, укладываемся отдыхать, – говорит мама. – Родиону я предложила отдыхать на высоком деревянном диване, сама пошла, в другую комнату, – на кровать. Смотрю: Родион, не снимая покрывала, не раздеваясь, и, не снимая обуви, – улегся на диван. Я спросила: Родион, а чего ты обувь даже ни снимаешь?

– А мне надо рано вставать, и чтобы не стучать да тебя не разбудить, – ответил он, – я поэтому не раздеваюсь.

– Лежу, не сплю, мне страшно, впервые он к нам приехал, раньше я его видела с женой один только раз у Ивана – брата Николая, – говорила мама.

Под деревянным диваном, на который лег спать Родион, стоял сундук с маминими новыми одеждами – там было несколько больших платков, платья, пальто, новые туфли и другие одежды.

– И вот лежу, не сплю, слышу что-то скрипнуло, – говорила мама.

– Через некоторое время я встала, зажгла лампу, пошла с ней в коридор, а с коридора мне показалось, что мой сундучок как будто немного выдвинут из-под дивана. Пошла в комнату, легла, лежу не сплю, слышу опять что-то скрипнуло. Где-то через пару часов опять я пошла в коридор, смотрю, а мой сундучок еще больше выдвинут, и сама не пойму: как будто он был дальше под диваном. Под утро я уснула, проснулась, – уже на улице светло; встала, оделась, вышла с комнаты, смотрю – Родиона нет, глядь под диван – сундучка с вещами моего тоже нет, – поведала нам мама.

А через полгода, осенью, мама увиделась с женой Родиона.

– Смотрю на нее и брови у меня поднялись: она покрыта была моим цветастым шерстяным платком. Ой, говорю, так на тебе мой платок?

– Нет, этот платок мой муж купил на толкучке в прошлом году, – ответила она.

В 1935 г., в Диевке, у моих родителей родился сын Виктор. К этому времени хату родители подремонтировали: укрепили стены, потолок, покрыли рубероидом крышу, внутри сделали побелку. В тот же год у моего дяди Ивана родилась дочь Женя.

У моего дяди Ивана многочисленным родственникам стало жить тесновато. Поэтому, в начале 1936 г., к моим родителям перебрались жить: мама моего отца и его младшая сестра – Нина, которая также работала на заводе им. Петровского.

– Пожили мы все вместе с полгода и тут пошли у нас раздоры и ссоры со свекровью и золовкой, – говорила мама. – Доходило до таких раздоров, что однажды сцепились с золовкой и возились по хате, дергая друг друга за волосы.

А мы, малые дети, во время рассказа мамы, спросили:

– А что же отец делал в это время?

– Отец лежал себе на диване, да спокойно говорил: «перестаньте дуры», – отвечала мама.

– Так мы со скандалами, с взаимной неприязнью и жили, – говорила мама.

В декабре 1937 года в семье родился второй ребенок – мой брат Владимир

Когда Володе было полгода, это в 1938 году, к моим родителям с г. Благовещенска приезжал в отпуск старший брат моего отца – Григорий (на 2 года старше моего отца). Он закончил танковую школу и служил офицером в танковой части; был не женат.

– Сидим, однажды, за столом, обедаем, а маленький Володя сильно расплакался, – говорила мама, – никак не успокаивается, все кричит и кричит.

– Та дайте же ему хоть кусочек хлеба, чтоб не кричал, – сказал Гриша.

– И этим он так всех сильно рассмешил, – говорила мама.

Не успел мой дядя Гриша побыть в гостях у моих родителей даже и недели, как случилось несчастье. Оказывается, в городе Днепропетровске, он вышел с трамвая и стал переходить трамвайные колеи сзади трамвая, и встречный трамвай сбил его. Подошел наряд милиции, он поднялся, назвал фамилию, адрес, они все записали. После этого он упал на землю и скончался. Вот так его подстерегла нелепая смерть.

В начале 1938 года жена дяди Ивана (старшего брата моего отца), Оля, заболела и умерла, оставив ему троих детей. Потом он женился на другой женщине и у них, в 1939 году, родился сын Николай, – уже четвертый ребенок в семье.

В 1939 году в Лиховке проживали два брата мамы: Иван и Алексей. У Ивана была семья – жена и трое сыновей: старший – Анатолий (1933 г. р.), Виктор (1935 г.р.) и только родившийся Иван (1939 г. р.). С ними проживал младший брат мамы – Алексей. Ему было в 1939 году 14 лет.

Мамин брат Иван в начале 1939 г. стал плохо видеть; с каждым месяцем зрение у него ухудшалось все больше и больше. К началу уборочной в колхозе, он вообще стал плохо видеть. Люди – работники колхоза – не верили ему, думали, что симулирует. Мама рассказывала, что во время работ на колхозном дворе, для того чтобы проверить, как он видит, доходило до того, что на дорожку, по которой он шел, – поперек клали грабли. Однажды он шел, зацепился за грабли, упал, больно ударился и, от обиды, сильно расплакался. Вот только тогда люди поверили, что он плохо видит.

После уборочной, на току зерно просушивали, провеивали и готовили к отправке на элеватор. Провеивали зерно ручными веялками – постоянно надо было крутить рукой за рукоятку, чтобы вертелся маховик. И вот, где-то в конце августа 1939 г., мамин брат Иван, будучи голодным, целый день, почти без отдыха, как покрутил рукояткой веялку, то к концу дня получился заворот кишок и вскорости он умер.

Что было делать малолетнему брату Алексею? Он приехал в Диевку к сестре, к моей маме. Свекровь и сестра отца, Нина, надулись, недовольные, стали без конца бурчать: «Нас здесь и так много, с едой туго, а тут еще и твой братец добавился».

5 сентября 1939 г. у моих родителей родилась дочь – моя сестра, Люда.

– В 1940 году маминому брату Алексею исполнилось 15 лет, он пошел в колхоз работать прицепщиком на сеялку к трактористу, за трудодни начал получать зерно и другие продукты, все доставлял к нам домой, – говорила мама. – Вот тогда это всем нашим понравилось.

Мирную жизнь прервала война, которая началась 22 июня 1941 года. А через полтора месяца после ее начала, немцы уже были в городе. Партийные и советские работники, производственно-технический персонал и оборудование предприятий и заводов были эвакуированы в глубокий тыл. Заводы, фабрики и другие предприятия прекратили работу. Мой отец в 1-ю волну мобилизации не попал, так как была большая семья, а вторую и последующие мобилизации, – власти провести в городе не успели: нагрянули немцы.

Когда подходили немцы к городу, шли сильные бои. Родители в то время проживали в Диевке. Был у них огород, возле хаты была оборудована печка под навесом для приготовления пищи летом. Перед началом атаки на советские оборонительные позиции немцы всегда проводили обстрелы артиллерией и проводили налеты авиацией.

Мама рассказывала, что на огороде они отрыли щели для укрытия от бомбежек.

– И как только начинался обстрел артиллерии и проводился налет немецкой авиации, так мы от своей печки – на которой варили на улице еду – бежали прятаться в укрытие в огороде, – рассказывала мама.

– Наши войска все отступали и отступали, и передовая наших войск начала проходить по нашим огородам, были открыты окопы, их заняли красноармейцы, а мы никуда не ушли, так и находились в своей хате, – говорима мама.

– И вот однажды был сильный обстрел артиллерии и налет немецкой авиации, снаряды и бомбы рвались то справа, то слева. Куда деваться, что делать, в укрытия бежать мне с отцом было уже поздно (а дети находились в укрытии); на позициях были слышны вопли и стоны раненых наших солдат. Я увидела, как за нашу хату побежал майор; я подумала, что он военный и знает, как спастись от бомбежки, – и я бегом за ним; он побежал вокруг хаты, – я за ним бегу вокруг хаты с криками; тут рядом раздается взрыв и он кричит – «Ложись!», я падаю; после он поднялся и побежал – я опять за ним. И так продолжалось минут 30 пока не улетели самолеты, кружившие над позициями наших солдат; утихла и артиллерия. Солдаты, с позиций на нашем огороде, начали выносить во двор к хате тяжелораненых. Санитары их осматривали, оказывали первую помощь, делали перевязки, готовя к отправке в полевой госпиталь. Тех раненых, которые могли двигаться, – после оказания им помощи – санитары их направляли в госпиталь своим ходом. Поднесли к хате тяжелораненого в живот солдата – ему снарядом разворотило весь живот. Увидев меня, он несколько раз повторил: «Мамка, хочу сильно кушать!» Я налила в кружку козлиного молока (была своя коза), отрезала кусок хлеба и начала его кормить, отламывая по кусочку и кладя ему в рот и давая запивать молоком. Он с аппетитом все скушал. Минут через десять-пятнадцать этот солдат скончался, – вот что рассказала нам, малым детям, мама.

– После бомбежки начали осматриваться – все ли живы, – говорил отец. Он во время налета авиации стоял за сараем и пережидал, когда все затихнет, а когда все затихло, то увидел в 2-х метрах от себя застрявшую в земле, неразорвавшуюся бомбу, – видать не сработал взрыватель. Оказывается, жизнь его висела на волоске.

Когда немцы заняли город, жить стало тяжело, в городе процветала спекуляция; люди перебивались, чем могли.

А в 1942 году, 25 января, в это трудное время, у моих родителей родился сын – Анатолий.

Наступило лето 1942 года, нашей семье стало жить крайне тяжело, как и другим людям. Мои родители решили переехать в село, надеясь на лучшие условия. Никакой транспорт не ходил. И вот мои родители, собрав необходимые пожитки, посадив детей на возок, в пешем порядке отправились в Лиховку, к родственникам. За три дня добрались к месту назначения. По пути следования сгруппировались с попутчиками (три семьи) и так потихоньку двигались, расспрашивая дорогу. Ночевали в полях, возле скирд соломы. Как говорила мама: «почти ничего не ели, так как не было еды». Шли второй день и под вечер, надо было где-то заночевать. Мама рассказывала: «Подшли к одной скирде соломы, посмотрим, – внутри скирды выдержана солома, как будто пещера, и там уже было много людей. Они тоже остановились на отдых. Некоторые люди что-то жевали. Наши дети были голодные. Одна женщина отломала одну треть кочана кукурузы и подала маленькой Люде. Таков для Люды был ужин – сухие семечки кукурузы. Там, в скирде, мы прилегли и поспали до утра, а как чуть поднялось солнышко, – мы двинулись в путь».

Пришли мои родители в Лиховку к двоюродной тетке моей мамы – Лене, там у нее и поселились – она жила одна в своей хате. В селе хозяйничали немцы. Колхоз в селе существовал, работали фермы. Отец пошел работать на одну из ферм, а лошадей не умел запрягать в подводу, хорошо хоть один мужчина научил этому делу. Так и проработал отец в колхозе до самого ухода немцев.

В 1943 году, после Курской битвы, немцев погнали, и они начали постоянно отступать. В октябре 1943 года немцы ушли и с Лиховки, а зашли советские войска. Заработали военкоматы и отца тоже призвали в действующую армию, на фронт. Мама осталась одна с четверыми детьми.

Весной 1944 года в нашей семье появился еще один ребенок – его назвали Колей; в начале 1945 года, когда ему было 10 месяцев, он заболел и умер.

В мае 1945 года закончилась война, отец дошел до самого Берлина.

Стал вопрос, где же дальше жить?

Мама поехала осенью 1945-го в г. Днепропетровск. Узнала все новости. Старший брат моего отца – Иван, был расстрелян немцами. Когда немцы заняли город Днепропетровск, он со своей семьей переехал на родину жены, в с. Орловщину, Донецкой области. Там кто-то из местных жителей выдал его немцам.

Пошла мама к своей хате в Диевке; оказалось, что там живут уже другие люди. Вот и уехала с этой вестью домой. Так и осталась вся моя родня жить в Лиховке.

Мамин брат, Алексей, после окончания войны, продолжал служить в Германии; он прислал маме несколько посылок с разными вещами и, продавши их, мама, на вырученные деньги, смогла купить на улице Степной старенькую хату.

Через три месяца после окончания войны мой отец вернулся домой целый и невредимый. Отец привез с Германии музыкальный инструмент – скрипку «Страдивари». Он хорошо на ней играл, но продовольственные трудности заставили отца свою скрипку отоварить, – он обменял ее на ведро кукурузы.

12 января 1947 года в семье Штаченко Николая Ефимовича рождается ребенок – сын, которого назвали Николаем. Значит это – я.

В 1947 году мои родители получили посылочку с Германии, точнее, небольшую шкапулку, в которой находились фотографии моего дяди Алексея и письмо его друга. В письме друг дяди Алексея писал, что они долго лежали в госпитале на излечении и там дядя Алексей умер.

Мое детство

Родился я в голодный 1947 год. Рождался я дома, на печке, под освещением керосинового каганца, сделанного с гильзы 75 мм снаряда. Во время перевязывания пупка, отец зацепил каганец локтем, «лампа» упала и затухла. Отец в потемках еле отыскал спички, чтобы вновь зажечь каганец. Пока все это он делал с моего пупка убежало много крови. Вот в таких условиях я рождался. Как раз заканчивался второй год после окончания Второй мировой войны.

Украина после войны вся была в руинах, еще не залечила раны. От налогов была не освобождена. Все собранное зерно и мясные продукты в 1945 и 1946 годах отправлялись во вновь образованные Восточно-европейские страны Народной демократии, которые попали под контроль Советского Союза. В украинских городах еще действовала карточная система на продукты питания. А в селах люди выживали, как могли. Хлеба не было, домашней живности после войны то же не осталось.

Чем же питались люди в селах?

С овсяной или пшеничной половы, а если этого не было, то с пережаренной полевой пшеницы, пекли какие-то лепешки. Летом еще ели рогоз – это болотный камыш, с которого очищали листья, а мягкую внутренность ели. Летом на скошенных и неспаханых полях селяне собирали колоски пшеницы и ячменя; осенью на убраных и вспаханых полях собирали редьку, картошку, морковь. Приходилось собирать быстро и прятаться в посадках, так как налетали объездчики и разгоняли людей нагайками.

Наша семья, начиная с весны 1947 года, выживала за счет сусликов. Старший брат, Виктор, весной брал пару ведер в руки и шел на зеленые луга поближе к болотам – там он выливал водой сусликов. К концу дня приносил штук по двадцать, снимал с них шкурки, а мама затем мясо жарила на сковородке, и дети кушали это мясо. Суслики были жирные, так как питались травкой и зерном. Рассказывали, что и я, будучи еще очень маленьким, брал лапку суслика и с аппетитом ее смаковал. Через две хаты от нас жил, контуженый на войне, старый дед – Ляцкий; он приходил к нам и просил сусликов. С ним делились мои родители. Подобным образом выживали и другие селяне.

Отец, и другие жители нашей улицы, работали от зари до зари: кто в совхозе, а кто в колхозе. Оплата за работу была мизерная. Отец работал до 1956 г. в совхозе, получал 100 рублей аванса и 100 рублей получки (деньгами до реформы 1961 г.). В то время один детский хлопчатобумажный костюмчик или детские кирзовые сапожки стоили по 100 рублей. За эти деньги всех нас обуть и одеть родителям было невозможно. Поэтому наша семья разводила курей, кроликов, коз, а в конце 50-х годов, и гусей. Осенью забивали кроликов, резали курей, гусей, и мама везла мясо на продажу на базар в г. Каменское; шкурки кроликов сдавали в заготовительную контору. На заработанные, таким образом, деньги покупали детям одежду, обувь и т. п.

Законы того времени были строгие. Контроль за государственной собственностью был жесткий. Часто, бывало, на поля или совхозный ток, где работали бригады селян, могла нагрянуть районная милиция для проверки и обыска работников.

Однажды, в результате такой проверки и обыска людей на зерновом току, у женщины – Озерной Веры (будущей свахи моих родителей) – с карманов вытрясли полтора килограмма зерна. Несмотря на то, что у нее было двое детей, а меньшему, Алексею, не было и полутора лет, – припаяли ей полтора года тюрьмы. Так она, от звонка до звонка, и просидела свой срок.

Живя в таких сложных и нищенских условиях, многочисленная детвора нашего семейства питалась скудно и ходила, кто в чем: младшие донашивали одежду и обувь старших; зимней обуви у всех не было. Для выхода на улицу в холодное время, приходилось, иногда, напя-

ливать сапоги старших братьев или отцовскую обувь. Когда наступал теплый сезон, – бегали босиком, даже приходилось ходить босиком в школу.

Кстати, каждое подворье облагалось налогами. Несмотря на наше большое семейство, – нас никто от налогов не освобождал. Была у нас корова, – налог сдавали молоком, где-то литров на 100; на свинью, на коз так же выписывали страховки. Приходил чиновник с сельсовета, везде заглядывал, проверял, считал и выписывал квитанцию для оплаты. Даже подлежали обложению налогом фруктовые деревья. А фруктовые деревья, бывало, какой год дают урожай, а какой – ничего нет, а налог надо платить каждый год. В силу этого, люди на приусадебных участках вырубали фруктовые деревья, чтобы не платить на них налог.

Нас в семье выручала корова по имени Голубка. Но молоко давала она ведь не круглый год. Месяца за три до отела, мама прекращала ее доить: молока уже было совсем мало и на вкус было очень горькое. Телилась она у нас где-то в феврале или начале марта. В это время было еще холодно, и теленка заносили в нашу хату, подстиляли в одном углу ему солому, и он мог в хате проживать недели три-четыре, то есть до наступления теплого времени. До коровы, сосать молоко, его не приучали – давали ему пить молоко с ведра.

Каждую осень родители приобретали поросенка, и через год он вырастал и готов был для забоя. Корову держали в сарае-коровнике, коз – в маленьком сарайчике. А свиней, в первые 5—7 послевоенных лет, держали в яме.

Что я помню о себе и какое было мое детство?

Когда мне исполнился один годик, то постоянной нянькой у меня была старшая сестра Люда, которой еще не было и 8-ти лет. Сознательно я помню кой-какие факты и события, начиная с полутора лет.

Вот, когда мне было полтора года, а это было лето 1948 г., – стоял я возле дороги поблизости соседского двора, в одной рубашонке, без штанов (сестра с подружками играла в нескольких десятках метров от меня). Подошел ко мне старый дед с мешком под мышкой, спрашивает: «Мальчик, как тебя зовут и чей ты?» Я молчу.

Дед раскрывает мешок и говорит: «Садись в мешок!» Берет меня, сажает в мешок, – я молчу; закрывает, берет мешок на плечи, несет меня, – я все молчу. Пронес метров 50, опустил мешок на землю, раскрыл, выпустил меня, – я не издал ни единого испуганного крика. Этот случай долго помнили родители и наши соседи.

В то послевоенное время почти все семьи, проживающие на нашей улице, имели коров. Начиная с конца апреля, коровы чередой выпасались на аэродроме и в Самодиновой балке. Стадо было большое – до сотни коров. Выпас стада коров осуществляли по очереди, по два человека. Жили люди убого, даже часов не было, чтобы посмотреть на время. В обеденный перерыв, с 13.00 до 15.00, мама и соседки ходили доить своих коров на тырло. Тырло – это место, где отдыхали коровы в обед, – находилось на северной стороне аэродрома. От нашей улицы Степной оно находилось в 2—2,5 км. Из дома маме надо было выходить где-то в 12.30. Время узнавали просто: ровно в 12 часов над нашими хатами пролетал почтовый самолет Ан-2, который доставлял почту для нашего районного центра. Женщины, после пролета самолета, начинали собираться и шли к своим коровам на аэродром.

Шли женщины напрямик, через поля, по протоптанной тропинке: через Настекин двор женщины межой проходили до колхозного поля, далее шли через колхозное поле к акациевой посадке (она шла параллельно нашей улицы), затем по тропе через совхозное поле выходили к середине абрикосовой посадки (она располагалась перпендикулярно акациевой посадке), потом шли далее по полевой дороге вдоль абрикосовой посадки; по ее окончанию, – поворачивали налево и шли еще метров 500—600 по дороге вдоль смешанной посадки, расположенной перпендикулярно абрикосовой и, таким образом, доходили до тырла, где лежали и отдыхали коровы.

Я был маленький, мне было полтора года, и в то лето, 1948 года, мама оставляла меня дома. В хате стелила на полу старое пальто, застилала его одеялом, садила меня, приносила и давала мне отцовские новые хромовые ботинки, – я любил зашнуровывать и расшнуровывать эти ботинки. Этой работой увлекался до тех пор, пока не ложился и не засыпал. Мама через пару часов возвращалась, – я уже спал.

На следующий год, весной (в марте 1949 года), родилась моя младшая сестра – Нина. Это – шестой ребенок в нашей семье. Я подросток, летом 1949-го мне уже было 2,5 годика. Мама так же ходила в поле доить корову. Нину укладывали спать, наблюдала за ней наша нянька – сестра Люда. Я часто просился идти с мамой до коров. Идти было далеко, возвращаясь домой, я чувствовал усталость и просился маме на руки. Так что маме приходилось в одной руке нести ведро с молоком, а в другой – меня. Мама старалась идти до коровы без меня.

Припоминаю один случай, который произошел со мной тем летом 1949 года. Где-то под вечер, в один из летних дней, сестра Люда пошла со мной к нашим родственникам – Кротенкам (они жили через три хаты от нас). Там проживала 12-ти летняя наша троюродная сестра – Катя; во дворе с ней играла еще одна подружка.

У Кротенка в 10-ти метрах от дороги находился длинный сарай, по проволоке на цепи бегал вдоль сарая, со стороны дороги, злой черный пес. Кто проходил по дороге мимо, – так этот пес рвал цепь и такое сальто делал, что, если бы сорвался, то разорвал бы этого человека в клочья.

Так вот, три подружки собрались на этом дворе, заигрались, я рядом играл, потом пошел по двору вглубь, пытался поймать бабочек, достиг соседского забора, повернул налево к сараю, обошел его с торца и тут я оказался в трех шагах от собаки. Я до сих пор ощущаю тот детский испуг. Бежать от него не стал, остановился и смотрю. Пес, увидев меня, медленно подбежал ко мне и начал обнюхивать. Что было дальше, я не помню. Девчонки играли, потом спохватились, – «где же Коля?» Начали смотреть во дворе – меня нигде не видно. Люда рассказывала: «Вышли потом мы со двора к дороге, смотрим: Коля возле собаки и обеими ручками гладит его шею, а он сидит себе, задрав голову. Немедленно мы позвали тетку (хозяйку), она подбежала и забрала Колю от собаки».

Какой переполох дома я наделал в свои два с половиной года?

Это было опять лето 1950 года. В обеденное время меня мама то брала с собой к корове на тырло, то оставляла дома под присмотром старшей сестры. В один из дней, она с соседками ушла доить корову в степь, на аэродром, без меня. Я играл дома во дворе. Мы ожидали, что вот-вот скоро мама должна вернуться от коровы. Я, втихаря, решил пойти к ней навстречу. Незаметно вышел со двора и, зная маршрут движения доярок, пошел тропой через соседский двор, тропинкой через колхозное поле пошел к акациевой посадке (к ней метров 700—800), перешел через эту посадку на другую сторону, нашел тропинку через совхозное кукурузное поле и пошел по ней в сторону абрикосовой посадки. Прошел по кукурузной тропинке метров 500—600, мамы не встретил. Кукуруза была высотой более 2-х метров. Увидев на кукурузном початке бабочку, я решил ее поймать. Она взлетела и села на кукурузный початок в следующем ряду, – я за ней, но она улетела. Я решил идти дальше навстречу маме. Начал искать тропинку, два шага сделал влево – тропинки нет, вправо – ее нет; начал кружить – так и не нашел. И начал ходить кругами по кукурузе. Потом решил двигаться между двумя рядками кукурузы, долго шел в одном направлении. Пока я шел по кукурузе, рядом пробегал, то назад – то вперед, большой серый пес, останавливался, вывалив язык, смотрел ласково на меня, потом убежал вперед и больше я его не видел. Наконец закончилось кукурузное поле, и я вышел на дорогу: Лиховка – Мишуриин Рог, а это с километр от того места, где я потерял тропинку. Смотрю, в какую же сторону идти домой? – нашего хутора не видно за деревьями ни справа, ни слева. И вместо того, чтобы по дороге пойти вправо к нашей улице, я пошел в левую сторону по дороге, то есть в сторону Мишуриин Роба. Прошел несколько сот метров по дороге и тут вижу: навстречу

едет на велосипеде мужчина с нашей улицы – Коновал Остап. Он остановился и спрашивает: «Мальчик, ты чей и куда идешь?» Я говорю, что иду домой и мои родители – Штаченко. – «Так ты же не в ту сторону идешь», – сказал он. «Садись ко мне, я подвезу тебя домой», – предложил он. Довозит меня домой, а там меня везде все ищут. Ведь прошло более 2-х часов, как я вышел из дома. Уже и мама давно вернулась от коровы.

Врезалось мне в память и событие, которое произошло 1-го Мая 1950 года.

Мои родители, и некоторые из соседей, собрались отмечать этот праздник у наших родственников – у Кротенко. Дядя, Нестор Кротенко, являлся двоюродным братом моей мамы. Как раз к ним пришла с Бузовой тетя Галя – двоюродная сестра моей мамы. Люди в компании сидели, выпивали, песни пели. Подошло время к обеду, мама пришла домой кормить курей и другую живность. Мой отец, с маленькой годичной сестрой Ниной, оставался еще в гостях. Я находился дома, во дворе. Пока мама кормила меня и старших братьев, управлялась с худобой, свиньей и курами, пробило около 15-ти часов. Люди начали расходиться с гулянки от Кротенка. И вдруг, слышу, как мама всплеснула руками и говорит: «Куда же он с маленькой-то Ниной пошел?». Я тоже посмотрел в сторону большака – дороги на Лиховку – и увидел: тетю Галю, отца с Ниной на руках и еще троих человек, которые уходили домой. Отец пошел их провожать; все они повернули в сторону фермы, и отец пошел с ними дальше. Мама надеялась, что он вот-вот вернется, но, оказывается, он пошел до самой Бузовой. Уже вечерело, а отца все нет. Мама заволновалась: «Как же маленькая Нина?» Взяла меня за руку, позвала мою старшую сестру Люду, и мы пошли мимо фермы, через луга, на Бузовую, где жила двоюродная незамужняя сестра мамы. У нее был 10-ти летний сын – Юра, и жила она со своим старым, больным отцом. И тут явились мы. Нина лежала на кровати, – спала, а отец с тетей Галей сидели и весело разговаривали. Отец тети Гали лежал в другой комнате.

Увидев эту картину, мама начала стыдить отца, мол, уже вечер, ребенок не кормлен, а он пошел с маленькой Ниной в такую даль провожать гостей. Отец вскочил, начал ругать и обзывать маму, грозился побить. Мы выскочили на улицу и направились бегом домой через луга; отец – хмельной, с Ниной на руках, – за нами следом. Так он следовал за нами в метрах за 100—200 и преследовал нас до самой нашей хаты, выкрикивая ругательства в адрес мамы. Мы заскочили в хату, мама – на горище (чердак) прятаться. Старшие братья: пятнадцатилетний Виктор и тринадцатилетний Володя, – держали входные двери; отец рвался и говорил: «Откройте, не то – буду ломать двери». Хлопцы отвечали: «Не пустим – ты будешь бить маму». Я стоял в сенях, испугался, плакал. До полуночи держали двери, отец немного протрезвел, успокоился, сказал, что никого не собирается трогать. Вот тогда и открыли хлопцы двери. Действительно, отец пришел в себя и никого не трогал.

Как подумаю: «что выдерживала эта, соломой крытая, хата?» После войны, и в начале 50-х годов, какие были летом частые дождливые грозные дни? Дожди лили, как с ведра, а крыша – ветхая, все пропускала. С потолка ручьи бежали; под струи воды подставляли миски, тазики и корыто. Все говорило о том, что хату надобно латать, перекрывать.

Что запомнил я еще в то время?

Мне было три или четыре года. В послевоенное время было много воровства. Людям приходилось в Лиховке делать прочные, завинчивающиеся замки-запоры. Иначе могли украсть кроликов из клеток, вывести из хлева свинью, покрасть в сарае курей и т. д. Поэтому у нас кролики содержались в яме (глубиной 2 м); они в этой яме вырывали норы. А для кормежки и выгуливания кроликов, у нас был сооружен плетенный загон вышиной больше метра, чтобы они не перепрыгнули его. С ямы кролики в загон выбегали по специальному желобу, вкопанному в землю (толстое круглое бревно, в котором был выдолблен ход для кроликов). Один конец этого желоба был в яме, а второй выглядывал в загоне. На ночь кроликов загоняли в яму, отверстие для входа в яму перекрывали. Поэтому уворовать невозможно – кролики все убежали в норы. Таким же образом у нас и содержались свиньи. Яма для кабана была в глубине

двора, размером (2 на 2 и на 2) м. Сверху накрыта накатом земли. Только одна ляда, чтобы взрослому залезть. И попробуй с такой ямы вытащить свинью?

Помню, как будучи еще маленьким, я нашел колесо от возка, вставил палку во внутрь и, нагнувшись над колесом, удерживаясь руками за палку, начал по двору его катать. Было тогда лето. Я был полураздетый, босой, на голове была фуражка большого размера, которая закрывала глаза. Катаю, катаю это колесо по двору, и вдруг, – лечу в яму кубарем. Приземлился в яме на ноги, и по самые щиколотки повяз в свином навозе. В темной яме вижу: с угла на меня начал надвигаться большой кабанище с хрюканьем и красными глазищами. Он в яме вырос – это зверь. Я как завопил не своим голосом. Мама услышала крик, но не могла с кухни понять, откуда крик. Но, наконец, догадалась и вытащила меня. Не то, – сожрал бы меня этот кабан. Потом мама долго меня всего отмывала. Вот такая у меня история была в детстве – встреча в яме с кабаном.

Мой самый старший брат, Виктор, хорошо рисовал. Я любил стоять рядом и смотреть за его работой. Он тогда обучался в 6-м классе и нарисовал картину «Три богатыря», размером метр двадцать на метр. Картина всем понравилась, и отец заказал для картины рамку, вставил картину под стекло и повесил ее на стенку в комнате над кроватью.

Помню, осенью 1950 года, я сильно заболел и непонятно чем. Все дети гуляли на улице, а я лежал на деревянном диване и ничего не ел. Сала вообще в рот не брал, – я его в детстве не любил и до сих пор с трудом употребляю; молоко мог пить только холодное, парное – не переносил. Не знаю, чем я болел, но не ел и сильно ослаб.

Однажды, где-то в конце сентября, сестра Люда была на бахчевом поле, на уборке арбузов, и принесла пару арбузов домой; один арбуз сестра разрешила, принесла мне дольку и говорит: «На, Коля, – попробуй арбуза». Я взял эту дольку арбуза, откусил, – и ощутил такую кислотину, что сразу же выплюнул со рта. Так что тогда я не мог ощущать вкуса, – мне все казалось горьким и кислым. Лежал так я, наверно, недели две, ничего не кушая, ослаб. Родители думали, что со мной все понятно, – я не выживу. Однажды зашла мама, посмотрела на меня, спросила, как я себя чувствую, – я молчал; следом за мамой зашел отец и мама ему говорит: «Ну, что отец? – наверно, завтра иди и заказывай гроб». А на следующее утро заходит ко мне мама, я лежу с закрытыми глазами, она подносит к моим губам какую-то еду, я – зашевелил губами и начал немного кушать. С тех пор пошел я на поправку.

Не помню, вызывали ли родители тогда врача или нет. Наверно нет. Ведь температуры, кажется, не было. От всякой еды, в то время, меня воротило. Да и еды-то подходящей для больного ребенка в то время у нас не было. То, что мне давали, я не хотел кушать.

Потихоньку я начал поправляться; где-то через неделю начал вставать и выходить на улицу.

В феврале 1951 года я заболел снова – скарлатиной. Вызывали врача, и он сказал, что надо ложиться в больницу. Я был маленький, мне только исполнилось четыре годика. Со мной ложиться в больницу мама не могла, так как ожидали рождения моего младшего брата Ивана. Решили положить со мной в больницу сестру Люду. У сестры была длинная, красивая коса. Чтобы лечь в больницу со мной, – надо было ей постричься наголо. В больнице ее постригли и положили в одну палату со мной. Утром она подходит ко мне, разговаривает. Говорит: «Коля, это я – Люда». Я до сих пор помню, как я ей отвечал, говоря: «Нет, ты – не Люда, у нашей Люды длинная коса, а у тебя нет, ты – не Люда». Начал рассказывать ей, что у нас дома брат Витя нарисовал большую картину: «Три богатыря». Но, все-таки, через некоторое время, я признал свою сестру.

В больнице тогда я больше всего боялся нянечек. Каждое утро приходила одна из нянечек, и если обнаруживала в моей постели мокрое пятно, то тут же начинала меня ругать и доходило до того, что чуть носом не тыкала меня в это пятно. Показывала все на утку, которая стояла под моей кроватью. Сколько мы были в больнице, точно я не помню: две недели или

месяц. Помню, что приезжал отец на подводе, упряженной лошадьми, и нас забрал. Когда ехали на подводе домой, я смотрел вокруг и видел, что снег таял, бежали ручейки.

22 мая 1951 года в семье Штаченко родился еще один ребенок – мой младший брат Иван. Ребенок был крикливый и маме спать он ночью не давал. Я помню люльку, подвешенную под потолком. Мама сидела, качала, засыпала, – и тут Иван, как только останавливалась люлька, – поднимал крик; она опять качала, засыпала сидя, – и тут Иван свой голос снова подавал. Сестра Люда вставала и говорила: «Иди поспи немного мама, я покачаю за тебя».

Наступил 1952 год. Помню наше домашнее хозяйство к весне, – была та же корова Голубка, однорогая, две козы с двумя-тремя козлятами, в конце двора – яма, в которой находился 5-ти месячный кабанчик, яма с загонем для кроликов (к осени их вырастало до 100—150 штук), и было штук 25—30 курей. Вот такое у нас было хозяйство.

Брат Володя ухаживал за кроликами – с весны до поздней осени он ездил на луга, в посадки, косил там траву и возком привозил домой.

После уборки зерновых, в совхозе или колхозе, Володя ходил по скошенным полям и собирал колоски. Однажды, помню, летом 1952 года он с собой взял меня и младшую сестру Нину и, посадив нас на возок, повез по мишуриногской дороге в район маслиновой посадки на скошенное пшеничное поле. Там он собирал колоски. Я с Ниной тоже помогал собирать. Володя, собранные колоски, мят в ведре, потом расстилал одеяло, подымал ведро и просеивал над одеялом – вся шелуха ветерком сдувалась в сторону от одеяла. Таким образом он до обеда собрал целое ведро просеянной пшеницы. Но он работал с оглядкой, – как бы не нагрязнул объездчик. Закончив работу по сбору пшеницы и накосив травы кроликам, Володя с нами возвращался домой. Тогда был август, чистое солнечное небо, жара, пить хотелось. Я и Нина шли босиком по пыльной дороге впереди, Володя за нами тянул возок, набитый травой. Володя предложил нам, чтобы мы бежали наперегонки. Таким образом, попеременно соревнуясь, мы незаметно, как бы без усталости, достигли нашей улицы Степной.

Брат Толя (он на 5 лет старше меня) в то время каждое лето выпасал коз по посадкам. Частенько и меня брал с собою.

Однажды осенью, в сентябре 1952 года, брат Толя, с одноклассниками по улице, собрался под вечер идти на баштан за арбузами, меня он взял с собою. Это поле было далеко – возле самого аэродрома и примыкало к акациевой посадке. Шли, прячась, вдоль посадки и таким образом дошли до бахчевого поля. С посадки вели наблюдение за сторожами; начало смеркаться, и мы с посадки, крадучись и пригибаясь, зашли на бахчевое поле и стали хлопцы выбирать спелые арбузы, да так увлеклись, что не заметили, как подошли два сторожа с ружьями и задержали нас. Стали спрашивать чьи мы и откуда, и сказали, что будут нас держать до прихода родителей. Сидим час, сидим два, – уже совсем стало темно; мне стало страшно.

Дома вечером родители переполошились – ведь уже поздно, а Толи и меня не было дома. Сестра Люда им сказала, что мы собирались на баштан, а было время уже около 22.00 часов. Отец пошел нас разыскивать.

Помню, – пришел отец, подошел к сторожам, поговорили они о чем-то, – и нас они отпустили. По пути домой, отец грозился Толи, что он получит доброго ремня, корил его, что он взял меня с собой и продержал до такого позднего времени. Толя бежал домой метрах в 20-ти впереди нас с отцом. Я устал и хотел спать, отец периодически нес меня на руках. Пришли домой; Толя, конечно, спрятался от отца где-то в сарае. Но, потом, он все-таки получил от отца обещанное.

В 1952 году брат Виктор закончил 7 классов и поехал в город Днепропетровск. Там он поступил в железнодорожное училище учиться на котельщика. Проучился он в училище 2 года. После окончания этого училища его распределили работать на завод в г. Днепропетровске, и надо было ему, обязательно, три года отрабатывать.

В 1952 году родители решили перекрывать хату, а также сделать пристройку к хате и выкопать себе колодец во дворе. Глину с колодца решили использовать для пристройки хаты и постройки летней кухни.

Работу по заготовке материала для кровли хаты начали с лета 1952 года; в Лоринском болоте жали рогоз и очерет, вытаскивали его на берег, где он высыхал. Где-то через пару недель, отец взял на ферме подводу, и родители, этот кровельный материал, привезли домой несколькими ходками.

А колодец начали копать во дворе с мая 1952 года, так как воду приходилось брать то у одних, то у других соседей. Поэтому решили иметь свой колодец. Отец определил место – и начал его копать; помогали копать старшие мои братья – Витя и Володя. Через метра полтора пошла глина – хорош строительный материал, который использовали для пристройки второй комнаты нашей хаты, а затем постройки летней кухни. Копая колодец, копач лопатой погружал глину в большое ведро, которое опускалось на веревке через вращающийся барабан; когда ведро было наполнено, копач, когда глубина была небольшой, – подавал голос, а когда глубина была приличной, – дергал за веревку, подавая сигнал на вытаскивание ведра. Чтобы легко было вытаскивать полные ведра с глиной, наверху возле ямы установили две опоры, на которые опирался деревянный барабан с ручкой и на этот барабан наматывалась веревка для вытаскивания ведра. Ведро с глиной, таким образом, легко подымали и высыпали глину наверху в нескольких метрах от ямы. Мой старший десятилетний брат Толя хватался помогать вытаскивать ведра с глиной – ему, поначалу, не запрещали.

В один из дней, для продолжения копания колодца, опустили в яму моего старшего, четырнадцатилетнего, брата Володю, а глубина колодца была уже около 10—12 метров. Нагрузив полное ведро, Володя подал сигнал, чтобы вытаскивали; схватился за рукоятку и начал крутить барабан брат Толя, – он начал быстро крутить рукоятку и, не дотянув ведро доверху, – тут рукоятка у него выскользнула из рук, ведро, наполненное глиной, полетело обратно вниз и упало в 20—30 сантиметрах от Володи. С этого момента отец запретил Толи принимать участие в этой работе. До воды оказалось добираться очень глубоко – она появилась на глубине 20-ти метров.

Когда добрались до воды, то с помощью соседских мужчин опускали бетонированные кольца, – потребовалось четыре кольца. Когда был готов колодец, – появилась и своя вода. Закончив работу с колодцем, отец взялся за крышу нашей хаты.

В один из дней лета 1952 года, отец залез на крышу хаты и начал скидывать вилами соломенную кровлю, а затем разбирать старые стропила. В дальнейшем, отец с мамой делали глиняные замесы, добавляя туда солому, и вальками, по килограмм десять каждый, один к одному муровали стены для другой половины хаты. Когда стены были готовы, высохли и затвердели, родители занялись потолками. После их готовности, отец устанавливал стропила, к ним прибавлял боковые рейки, а затем приступил к кровле хаты очеретом и рогозом. К осени 1953 года пристройка второй комнаты и кровля хаты были завершены.

Хорошо до сих пор помню, как в свободное время, по вечерам, отец и брат Володя устраивали целые концерты, которые я с интересом слушал. Сиделись они на стулья и начинали играть одновременно: отец – на мандолине, а Володя – на балалайке. И так бывало частенько.

Поздней осенью, 5 ноября 1952 года, в семье Штаченко родился еще один, уже восьмой и последний, ребенок – моя сестра, которую назвали Валей.

Жизнь односельчан в 1952 г была еще тяжелая, особенно нашей многочисленной семье. В магазине, из еды, родители почти ничего не покупали – не было у них денег. Кушали то, что сами могли произвести. Мама варила постные борщи, различные супы, особенно пшеничные, называли этот суп – «кандером»; когда была кукурузная мука, мама варила мамалыгу; все любили жареную картошку. Изредка в борщ попадала курица или пару голубей, но при большом семействе, – мало доставалось всем мяса. Хлеб мама пекла сама и, как правило, – черный.

Отец с большим риском добывал зерно для семьи. Он зимой сторожил на совхозном полевом току, который находился в 800 м за маслиновой посадкой, а от нашей улицы туда было расстояние 5 км. Там хранились под навесами зерна пшеницы, овса, ячменя, проса и кукурузы. Отец, конечно, сильно рисковал, но семью надо было кормить хлебом.

Что он делал? Когда наступала глубокая ночь, он набирал целый мешок пшеницы, брал его на плечи и шел с этим мешком домой напрямик, подальше от полевых дорог, – шел через замерзшие, вспаханные поля, шел без единой остановки. Помню, просыпался и я ночью, когда приходил отец и стучался в дверь; приходил весь мокрый, ручьи пота так и текли у него по спине. Он переодевался и сразу же возвращался обратно на совхозный ток для продолжения охраны. Без передышек отец нес мешок все 5 км потому, как он говорил, что если опустит его на землю, то больше не сможет его поднять и положить на спину. Принесенный отцом мешок с зерном, мама с Володей на возку везли на мельницу, мололи зерно и привозили муку домой, ясно, что не высшего сорта. Мама просеивала муку, замешивала тесто и выпекала в печи буханок 8—10 черного хлеба. Вот и хватало одной выпечки хлеба на целую неделю всей нашей большой семье.

Целый праздник был у нас, когда кололи кабанчика. А кололи его, как правило, поздней осенью. Начиняли домашнюю колбаску, мама жарила кровянку, варила смалец, делала шкварки, варила холодец, борщ со свинины. Но пировали не долго. Семейка ведь была большая. Через два-три месяца все съедалось и оставалось только одно сало.

Вспоминая свое детство, помню, как часто, зимними вечерами, к родителям на побасенки приходили бездетные соседи с нашей улицы – Хейлыки (дядя Платон и тетя Христя). Подолгу сидели, разговаривали. На то время мой десятилетний брат Толя знал много песен и хорошо пел; по характеру он был смелый, боевой. Дядя Платон и тетя Христя часто просили Толю, чтобы он спел какие-то песни. После недолгих упрасиваний, Толя залазил на печку и начинал затягивать песни по просьбе слушателей, такие как: «По долинам и по взгорьям», «Сотня юных бойцов из буденовских войск...» и другие. Пел так задушевно и эмоционально, что после окончания пения, дядя Платон и тетя Христя очень его нахваливали и давали ему по рублю.

Наступил 1953 год. В январе мне исполнилось 6 лет. Отец продолжал работать в совхозе им. Кутузова. Помню, в тот год, 5 марта, пришло известие о смерти Сталина И. В. – нашего большевистского вождя.

Как же воспринял отец это известие? То ли он радовался, то ли действительно сильно переживал и горевал, но, помню, он лежал на печке и сильно тужил, ударяя себя каталкой по животу. Приходила соседка, тетка Настя Настека и эмоционально заклинала нашего вождя, говоря: «Наконец-то кончился этот кровожадный узурпатор, душитель Украины...»

В этом же, 1953, году брат Володя закончил 7 классов, учился в школе он очень хорошо – был отличником. Сестра Люда закончила только 6-й класс, брат Толя – 4-й.

Родители решили, что Володе надо поступать и учиться в техникуме. Володя захотел поступить в Днепропетровский индустриальный техникум.

В конце июля 1953 года мама с Володей поехали в г. Днепропетровск, прихватив с собой 8-ми месячную сестричку Валю. Остановились в г. Днепропетровске у тетки Маруси – сестры жены отцовского брата Ивана. Володя успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен в техникум, но не представлялось места в общежитии. Мама, с маленькой Валею на руках, пошла к директору, долго ожидали в приемной, чтобы попасть к нему на прием. Мама долго объясняла директору, что в семье – восемь детей, материальное положение тяжелое, чтобы еще за деньги снимать жилье студенту. В конце концов Володе предоставили место в общежитии, и мама с Валею приехала домой в Лиховку.

Хорошо помню нашу кормилицу – корову Голубку, как же она не любила маленьких детей? На ее рогах побывали и маленький брат Иван и, потом, маленькая сестра Валя. Им тогда

было по 1,5 или по два годика. Часто, в то время, брат Толя выпасал корову в посадке. Он, в обеденное время, пригонял корову домой на водопой и для ее доения. Вблизи колодца, почти посреди двора, мама для коровы, за час до ее прихода, наливала в корыто пару ведер воды, чтобы вода немного подогрелась. Корова, когда возвращалась, всегда направлялась к корыту напиться воды.

И вот, однажды, заходит во двор с улицы корова, а посреди двора, на ее пути, оказался маленький мой брат Иван, – она опускает голову, взмах головы вверх и вправо, – и летит Иван с криками и воплями метра на три в сторону. Я стоял недалеко, испугался; мама закричала на корову, а она откинула Ивана в сторону и пошла к корыту пить воду. Аналогичный случай повторился и с маленькой сестрой Валею, когда ей было 1,5 или два годика. В обоих случаях маленькие дети отделались криками и испугами, увечий от рогов коровы не получили.

Наступил сентябрь 1953 года, мой брат Толя пошел в 5-й класс, сестра Люда – в 7-й, а меня, шестилетнего, родители то же отдали в школу – пошел я в 1-й класс Лиховской восьмилетней школы номер 4.

Школьные годы

Почему я пошел в школу с шести лет?

На нашей улице Степной, – самой отдаленной северной окраине п. г. т. Лиховка, – моими ближайшими соседями, с которыми я проводил свое детство, были мальчики и девочки, рожденные в 1946 году. Их было восемь: Биленко Люба, Стюпан Петя, Озерной Алексей, Мелашенко Вера, Скидан Надя, Кенть Леня, Моргун Володя и Житник Вася. В 1953 году, 1-го сентября, они собирались идти в 1-й класс. Так как до школы от нас было 2 км, и чтобы мне одному не ходить в школу, родители меня отдали в школу с шести лет, я согласился.

Может быть и рановато меня отдали в школу, я и здоровьем хорошим к этому времени не отличался, ростом был маленьким, совсем худой, – надо было с годик посидеть дома, поправить здоровье и пойти в школу с своими одноклассниками.

Помню первое посещение школы – это незабываемый день. Было общее построение; всех первоклашек построили, нас было не много – набрался один класс. Представили нам учительницу – это была Романовская Галина Ивановна. Потом она нас повела в класс, указала каждому место за партой и рассадила всех по местам. Меня посадила за парту в первом ряду с девочкой, Гляненько Надей.

Учительница всем пояснила, что если кому-то из детей нужно обратиться к ней, то всегда нужно обращаться по имени и отчеству. Рассказала, как нужно сидеть за партой, как должно быть положение рук у детей; когда учитель что-то рассказывает, и, если возникает вопрос у ученика, – он должен поднять руку, упирая ее локтем на парту; как должны вести себя ученики во время перерывов. Мальчики, прибывающие в школу в головных уборах, – при вхождении в школьный коридор, – должны их снимать и нести в руке, а одевать, – только при выходе из школьного коридора на улицу. Далее учительница напомнила: с чем нужно приходиться на следующий день, какие брать учебники, тетради и др.

В нашей школе ученики, с 5-го по 7-й класс, ходили на занятия в 1-ю смену, – занятия у них проходили – с 08.00 до 13.30; ученики, с 1-го по 4-й класс, ходили во вторую смену, – занятия у них проводились – с 14.00 до 17.30

Начались уроки в 1-м классе с «Букваря», с изучения букв; я также хорошо помню уроки по каллиграфии. Очень тяжело было карандашиком выводить вертикальные линии и разные закорючки – составляющие букв, выводить цифры по арифметике. На уроке учительница обращалась к нам – ученикам: «Дети, сегодня мы приступаем к изучению буквы...», показывала эту букву (большую и маленькую), писала их на доске, а потом задавала всем вопрос: «Дети, кто теперь назовет слово, которое начинается с этой буквы, поднимите руки?». Вызывала желающих, и они отвечали.

К концу 1-го класса мы научились по слогам читать слова.

Так прошли незаметно 1-й и 2-й классы. В 3-м и 4-м классах учиться было труднее, так как началась грамматика, пришлось изучать правила правописания по украинскому языку. Наша бедность в многодетной семье, – сказывалась трудность послевоенных годов, – влияла на качество усвоения мною знаний в школе; ведь у меня не бывало в наличии всех учебников и других, необходимых для учебы, принадлежностей. В те времена книг в школе не выдавали, их приходилось покупать самостоятельно в магазине, а денег на покупку всех книг, – для меня и для остальных, обучающихся в школе членов семьи, – не было. Поэтому, готовясь к занятиям, приходилось бегать к соседским одноклассникам и просить тот или иной учебник.

А каковы были у нас условия для обучения в школе?

В школу, до 3-го класса, я ходил с сумкой, которую мне сшила мама из какого-то цветного ситцевого материала. В этой сумке, с ремнем через плечо, я носил школьные учебники. В нашем классе учеников, которые ходили в школу с самодельно сшитыми сумками с тряпич-

ного материала, кроме меня, еще было два или три человека. Конечно, глядя на экипировку других школьников, мне было стыдно ходить с такой сумкой, но другой не было.

Делать домашние задания было сложно. Отдельного ученического стола у нас в хате не было. У нас в хате, до 1956 года, был только один кухонный стол. Письменные задания приходилось мне даже выполнять на подоконнике, когда был занят кухонный стол. А еще, вдобавок, шум, крики и беготня по комнате младших моих сестер и брата Ивана (в сентябре 1953 года Нине было 4 годика, Вале – 1годик, Ивану – 2 года и 4 месяца), – мне они очень мешали качественно усваивать домашние письменные и устные задания. Поэтому я в начальных классах хороших успехов в учебе и не имел, – учился в основном на тройки, иногда получал четверки и пятерки, бывали и двойки.

На мою учебу влияло и мое слабое физическое состояние, недоедание; физическая слабость, отсюда частые простуды и пропуски занятий. Кушать свиное сало я не мог – меня от него воротило, молока тоже не обожал, если пил, то только холодное, а парное из-под коровы, – ни в коем случае; больше мне нравилось кислое молоко. В школе, в те времена, бесплатных обедов не было. Ходить в школьную столовую, чтобы пообедать за плату, – не было денег.

Перерывы между приемами пищи были большие, доходившие до 6 часов в начальных классах: один час тратился на движение к школе, четыре урока и плюс еще один час на возвращение домой. В итоге это составляло до 6 часов. С собой брать в школу из дому что-то перекусить – кроме куска хлеба, намазанного смальцем, – брать было больше нечего. А если учительница оставляла после уроков изучать плохо усвоенные правила по грамматике, – на час или полтора, – то этот перерыв доходил до 7 часов. Кушать хотелось сильно.

С 5-го по 8-й класс каждый день было по 6 уроков, отсюда промежутки между приемами пищи доходил до 8 часов. Иногда приходилось с собой брать даже кусок черного хлеба, чтобы перебивать голод в желудке.

Помню, когда мне было лет семь-восемь, в один из дней, к отцу приходил в гости его напарник по работе на свиноферме – Самарец Иван; сидя и выпивая с ним за столом, отец рассказал ему, что я не ем сала. Самарец Иван посоветовал родителям, что для этого необходимо ребенку на ночь смазывать губы салом, тогда он будет их облизывать, привыкнет к салу, и потом будет его кушать. Мои родители ни разу не последовали этому мудрому совету, – и я сало, как не ел, так и до самой армии в рот не брал.

Продолжу об учебе в младших классах.

Наша учительница младших классов – Галина Ивановна Романовская, мне, кажется, недолюбливала нас – хуторян (с улицы Степной). Часто называла «дикарями». Наверно и было за что. За незнание правил правописания, она часто оставляла учеников доучивать после уроков. Сама садилась в классе за проверку тетрадей, а неуспевающих учеников, как правило, человек по четыре-пять садил за парты, устанавливала время, через которое должен начаться опрос знания правил.

Когда подходило указанное время, она начинала опрос. Кто хорошо отвечал, – она их отпускала, а кто не усвоил, – продолжали изучать. Время шло: проходило 30 минут, проходил час, а были и такие ученики, что и за это время не могли выучить. И тут начинались слезы, а иногда и рев. Почему?

В 17.30 заканчивались уроки, начинался закат солнца, а через час, – совсем темно, особенно в зимнее время. А идти домой далеко, целых 2 км, да еще, если придется, одному, – особенно нам на улицу Степную, – конечно, было страшно. Ведь только в школе было электричество от МТС – там вырабатывал электричество двигатель ЧА-1.

Идешь домой вечером, – улицы были не освещенные, в хатах только тускло горели керосиновые лампы. Идешь по улице – темным-темно, а с дворов часто выскакивали отвязанные злые собаки и подбегали к нам, – мы еле от них отбивались. Редко кто из родителей приходил встречать школьников. Электро-фонариков у нас в то время не было; был, кажется,

у одного Моргуна Владимира. Иногда для освещения дороги мы использовали спички. Зажигаешь спичку, – и поглубже руку в рукав, – как фонариком освещаешь дорогу, а рукава-то длинные у меня были, ведь пальтишко на мне было большое, не по моему размеру, доставалось от старших братьев.

Как тогда было страшно возвращаться вечером со школы после уроков, особенно одному. Приходилось идти по одной улице от школы, – а она с километр; идешь по ней, – слева кладбище, – страшно, волосы дыбом поднимаются, выбегают собаки; далее от этой улицы до нашей улицы Степной – их разделял большой ставок, его надо обойти и сделать большой полукруг по заросшему пустырю. Выходишь на нашу улицу, так же темно и идти до своей хаты по ней то же с километр. Идешь по ней, – а слева опять кладбище, – страшно, волосы дыбом, проходишь мимо ускоренным шагом, затаив дыхание.

Вот и ревели ученики с нашей улицы после уроков, боясь остаться в одиночку. Страхи добавлялись еще и потому, что приходилось слушать страшные рассказы соседских женщин, которые приходили к моим родителям по вечерам.

Часто они собирались и начинали судачить: «Вот, однажды, весной, Мария поздно вечером проходила мимо кладбища и видела, как какие-то двое, одетые в белое, выходили со стороны кладбища с косами, начали приближаться к ней и долго преследовали ее, она еле унесла ноги и вся еле живая...».

Другие примеры слышал о привидениях. Вот рассказ соседки тетки Клавды, работавшей в то время дояркой на МТФ: «Доярки встают очень рано и к пяти часам утра приходят на ферму доить коров. Позавчера был сильный туман, а Фрося шла на ферму через луга по тропе, ходила – ходила кругами, ее наверно что-то водило, потому что ходила очень долго, пока совсем не стало светло, – и она очутилась не возле фермы, а совсем далеко в другой стороне, – под самой Бузовой...».

Были случаи, когда и я убежал со школы, будучи оставленным после уроков, когда меня оставляла учительница доучивать правила. Не отчитавшись за знание правил, я убежал со школы. Помню, как бывало, учили-учили, ставало темно, а трое учеников, вместе со мной, не могли никак правильно ответить, начинали волноваться и выбирали момент, когда наша учительница выходила из класса и на некоторое время задерживалась в канцелярии, – вот тут-то мы хватали сумки с учебниками; на вешалке, в коридоре, быстро снимали свои куртки или пальто, – и бегом с коридора на улицу. Таким образом приходилось убежать после уроков, – ведь каждый боялся быть отпущенным домой последним. На следующий день от учительницы приходилось выслушивать нелестные отзывы. За такие поступки классная редколлегия протаскивала учеников в стенной газете.

Какую одежду и обувь я имел, будучи школьником младших классов?

Перед началом обучения в школе, в летнее время, родители мне покупали хлопчатобумажный костюмчик в полоску и на вырост, чтобы хватило на весь год. Туфлей или ботинок до четвертого класса я не имел, если когда-нибудь были, – то оставшиеся, еще целыми, от старшего брата. А если таковых не было, то приходилось ходить в школу босиком до тех пор, пока было на улице еще тепло.

Для следования в школу в холодный период времени родители каждый год покупали мне кирзовые сапожки. А весной, когда становилось тепло, – опять босиком. Через три-четыре месяца мои брюки на коленках и на местах сидения протирались; мама делала заплатки и, таким образом, я донашивал их до конца учебного года в школе. Стыдно было ходить с заплатками: ученики смеялись и перед учительницей чувствовал себя скованно и диковато. Сапожки тоже быстро снашивались, отцу приходилось их ремонтировать – зашивать дыры и подбивать подошву, но все-таки водичку они пропускали.

Хотелось кататься на коньках. Коньки надо было привязывать веревочками к сапожкам – это тоже влияло на их исправность и целостность. Поэтому родители не разрешали кататься

в сапожках на коньках, чтобы обувь не рвалась. На лыжах тоже не разрешали в сапожках кататься. Но я мастерил лыжи с акации сам. Прятал их на чердаке. Если отец находил мои лыжи, то немедленно рубил их на дрова.

В нашей большой семье я чем-то отличался от остальных моих сестер и братьев. Не кричал и не бегал по хате, как остальные, особенно при посторонних людях. Если кто-то к нам приходил, я забивался в угол, садился и слушал, о чем говорят взрослые люди. Поэтому соседки, приходя к нам, и, наблюдая, как ведут себя остальные дети, – а мама часто успокаивала шумливых, особенно сестру Нину и брата Ивана, иногда и старшего брата Толю, – маме обо мне часто говорили: «Домашко, – это у вас чужой ребенок, наверно его вам кто-то подкинул». Я не любил детского шума в хате и, оставаясь наедине с мамой, ей часто задавал вопрос: «Мама, ну почему же я у вас не один в семье?» Она только разводила руками и отвечала: «Ой, Коля!»

Я любил в детстве наблюдать за работой отца. Помню, кажется, я ходил во 2-й или 3-й класс и, однажды весной – во время каникул – целых полдня наблюдал, как мой отец мастерил табуретки. Я стоял у двери сарая, прижавшись спиной к проему, и смотрел за работой: как отец выравнивал рубанком заготовки для ножек табуретки, как строгал и пилил доски, как работал долотом и молотком, как просверливал дрелью соединительные отверстия, – наблюдал до тех пор, пока отец полностью не изготовил две табуретки. Мама и обедать меня звала, а я никак не мог оторваться от интересного наблюдения.

В нашей семье до 1955 года вся, оставшаяся в семье детвора, кушали с одной большой миски. И тут надо было успевать, не мешкать, иначе миска быстро становилась пустой. Часто мы дразнились друг с другом; дразнили меня брат Толя и сестра Нина, я злился, обижался. И тут, бывало, мама позовет кушать, все бежали к столу, а я, обиженный и не довольный, сидел и не торопился идти кушать; ждал, когда меня мама позовет два или три раза, а я все не шел. Затем я подходил, а миска была уже почти пустая, оказывается, – все уже было съедено, и я оставался с одним черным куском хлеба. Подумав, подумав, – я решил, что надо идти кушать с первого раза, когда мама позовет, иначе мне ничего не будет доставаться. В дальнейшем я свои капризы прекратил.

Я был очень брезгливым мальчиком. Сидели, бывало, за столом с ложками и начинали кушать с одной миски, и тут кто-то из младших засморкает носом, я моментально бросал ложку и уходил – не мог больше кушать. Мои младшие сестры и младший брат начали это использовать в свою пользу: как только садились кушать, так кто-то из них начинал за едой шмыгать носом, и я уходил. В дальнейшем я стремился к тому, чтобы мне мама наливала в отдельную тарелку. Я также брезговал кушать ложками, которыми кушали остальные дети, подозревая, что они недостаточно хорошо вымытые, – поэтому для еды, вместо ложки, я использовал черпак (половник), зная, что им никто из детвора не пользовался.

Когда мама вечером доила корову, я всегда стоял рядом и наблюдал за ее работой. Бывало, во время доения, корова топнет задней ногой и с земли в ведро падала какая-то сухая крошка от сухого коровьего навоза, или, что-то вроде этого, – все, даже после процеживания через марлю, я этого молока в рот не брал.

В 3-м классе нас, всех учеников, приняли в пионеры и надели красные галстуки. С тех пор, на всех уроках в школе, мы должны были быть в галстуках. У меня своего галстука не было. Брат Толя ходил в 7-й класс и только у него был галстук. Он в школу ходил в 1-ю смену, а я, – во вторую. Я шел в школу, встречал по пути, возвращающегося со школы старшего брата, он передавал мне галстук. А бывали случаи, когда мы двигались разными маршрутами, тогда я приходил в школу без галстука. И часто, бывало, попадался навстречу директор школы в школьном коридоре. Сразу он останавливал и спрашивал: «А где твой галстук?» Стыдно было говорить, что нет у меня своего галстука. Приходилось поэтому отвечать: «Забыл дома». Директор отсылал домой за галстуком: быть на уроках без галстука не разрешали.

Оставшийся в наследство от брата Толи галстук, быстро износился и через пару лет пришел в негодность. Обучаясь в 5-м классе, я опять остался без галстука. У родителей я денег на галстук не просил, зная, что нет денег. Так и продолжал ходить в школу без галстука. И опять попадался на глаза директору. Директор школы опять меня отсылал домой за галстуком. Так как галстука у меня дома не было, то до окончания всех уроков приходилось просиживать в уличном туалете для учеников, а затем идти за своей сумкой в класс. Таким образом, я мог в течение целой недели не бывать на уроках, пока, наконец, мне не купили галстук. Поэтому, одной из причин, почему я так отстал в учебе в 5-м классе, наряду с пропусками уроков из-за моих болезней, – это были и пропуски занятий, повязанные с отсутствием галстука.

Так как я пошел учиться не со своими сверстниками-одногодками, то я не напрягался и решил повторить учебу опять в пятом классе, но уже со своими одногодками. Так оно и случилось.

Вспоминая учебу в начальных классах, могу сказать, что были и яркие проблески в учебе. Иногда учительница ставила меня всем в пример. Так было, помню, в 3-м классе, когда я блестяще рассказал на уроке украинской литературы биографию Тараса Григорьевича Шевченко. С тех пор я до сих пор запомнил дату рождения этого поэта: 9 марта 1814 года. Иногда, учительница хвалила за успехи и по другим предметам.

Начиная с 7-ми лет, я приобщался к различным домашним работам, особенно во время летних каникул. По своим силам и возможностям помогал родителям. Так, например, летом мне мама поручала носить обеды отцу, работавшему в поле.

Вспоминаю, как после окончания 1-го класса (а это было в 1954 году), я почти ежедневно носил обеды отцу. Он работал тогда летом на сенокосилке, запряженной двумя волами. Косил отец люцерну далеко за совхозным током. Из дому туда идти было километров пять. Мама в горшок наливала борща, нарезала хлеб, наливала баночку компота или кислого молока и все это укладывала в узел; звала меня и говорила, чтоб я все это отнес отцу. Каждый день туда ходить одному мне уже и не хотелось.

Помню, как в один из летних дней она меня позвала и сказала, чтобы я нес отцу обед, но я начал отказываться, говоря: «Пусть идет к отцу кто-то другой». Она меня уговаривала, мотивируя тем, что Нина и Иван еще маленькие, а Толя выпасает коз в посадке. В порядке поощрения мама предложила мне: «Коля, вот на тебе один рубль и что-то себе купишь, а нести обед отцу, кроме тебя, сейчас некому, так что, давай, сегодня сходи ты». Я взял этот рубль, спрятал в свою фуражку, одел ее на голову, взял узелок и пошел к отцу. Шел знакомыми тропинками через поля, вдоль посадок и таким образом приходил к отцу, принося ему обед. Отец останавливал волов, делал перерыв и садился обедать. Пообедавши, отец садился в седло сенокосилки, брал меня на руки, погонял волов и начинал косить люцерну; таким образом, я с ним на сенокосилке проезжал один большой круг. Затем я возвращался домой; шел домой больше часа. Помню, как, придя с поля домой, в тот день, я решил возратить этот рубль маме, и возвращая его маме, я сказал: «Мама, возьми этот рубль назад, пусть остается он на хлеб».

А еще в летнее время, после окончания 2-го, 3-го и 4-го классов, я ходил встречать нашу корову, когда она выпасалась в стаде. Это была уже моя обязанность в то время. Когда начинало садиться солнышко, я выдвигался за коровой до аэродрома, где выпасалась череда. Маршрут выдвигания был таков: из дому шел на большак (дорога на Мишурин Рог), по этой дороге доходил до акациевой посадки (это от нашей улицы Степной метров 500—600), а затем по полевой дороге, вдоль посадки, – шел до ее окончания (а это еще километра два). Таким образом, я доходил до аэродрома, – и солнце на западе уже почти касалось самой земли. Иногда приходилось на краю аэродрома немного посидеть и подождать, когда пастухи отпустят коров. Я встречал нашу корову и гнал ее домой. Часто я ходил за коровой с улицы не один, другие хлопцы тоже ходили встречать своих коров. Но я любил ходить за коровой совместно с дедом Сидором

Святодухом, который проживал через две хаты от нас. Ему тогда было 75 или 78 лет. Я любил с ним ходить и слушать его рассказы о старине.

Из его рассказов я узнал, что после упразднения крепостного права, началась перепись крестьян. А тогда крестьяне имели только имена, а перепись нужно было осуществлять по фамилиям. Перепись осуществляли паны, и фамилии сами себе крестьяне выбирали, а кто затруднялся, то пан сам определял фамилию. Аналогично, и нашу фамилию, Штаченко, как рассказывал нам когда-то отец, тоже определил пан на Кировоградщине. Пан спросил моего прадеда: «Как твоя фамилия?» Он отвечал, что нет фамилии. Тогда пан записал в тетрадь и сказал: «Теперь твоя фамилия – Штаченко».

Фамилия звучит как украинская, но все выходцы по линии моего отца когда-то принадлежали к тюркам, – смуглые телами, черноглазые и черноволосые. Так и у моего отца, когда был молодой, так волосы были по цвету, как смола, и глаза были черные. Я видел свою тетку Нину, так она смуглолицая, черноглазая и с черными волосами на голове. Таков мой старший брат Владимир и старшая сестра Люда. У меня глаза голубые, как у мамы.

Дед Святодух мне рассказывал, как жили люди при панах. От него я услышал о нашей Лиховке. Оказывается, в долине, не далеко от речки Вирка, жил пан Лихач. Так вот, паны Лихачи жили там давно, а их предок, – какой-то вольный казак, – и в честь первого их предка наше село получило название Лиховка. Со временем оно разрослось и превратилось в поселок городского типа и стало районным центром.

Купаясь летом в речке Вирка и возвращаясь домой, я с ребятами часто заходил на развалины панского дома, где когда-то проживали паны Лихачи. Там оставался только один фундамент от дома папа Лихача. А в Лоринской долине когда-то, до революции 1917 года, жил пан Лорин. Когда мы ходили купаться на озеро Виницкое, под Ганевкой, то всегда проходили мимо развалин этого панского дома. Там то же оставался только один каменный фундамент.

В послевоенное время (в 50-х годах), бегая по совхозным полям и посадкам, мы, малые пацаны, часто натыкались на подарочки, оставленные прошедшей войной. Это были и мины для минометов, и выстрелы для пушек и гаубиц в полном снаряжении, и валялись по посадкам отдельные снаряды, винтовочные и автоматные патроны и другое. Ребята постарше нам говорили, что эти «штуки» трогать нельзя. Но интерес брал свое. Отдельные пацаны брали и разбирали патроны, кидали их в огонь, находили и разбирали ручные гранаты.

Помню, как обучаясь во 2-м или 3-м классе, мы всем классом ходили на похороны троих, таких же как мы, ребят из 5-й школы. Оказывается, они тогда нашли снаряд и один из учеников начал молотком его разбивать. Вследствие чего произошел взрыв и все трое погибли.

Однажды, мой 13-ти летний старший брат, Анатолий, его одноклассник – Иван Драбина, я и Петя Стюпан пошли по мишуриногской дороге в степь за травой. И в километре от нашей улицы, справа на обочине дороги, возле кустов, нашли унитарный выстрел (с гильзой и снарядом) для 152 мм гаубицы-пушки. Мой старший брат взял его в руки и направился к телеграфному столбу. Иван Драбина мне и Пете сказал, чтобы мы легли на обочине дороги, под кюветом, и лежали не выглядывая. Мы так и сделали, но я частенько подымал голову и наблюдал, что делает мой старший брат. Он с этим боевым изделием для пушки подошел к столбу и начал бить о столб, чтоб расслабить соединение и вытащить из гильзы снаряд. Минут 20 расшатывал, ударяя по деревянному столбу. Расслабив, таким образом, соединение, мой брат вытащил снаряд с гильзы. В гильзе находился пороховой заряд в мешочке; его оттуда извлекли, забрали с собой, а пустую гильзу и снаряд оставили у столба. Этот порох хорошо горел при зажигании его спичками – вот для этой цели и разбирали хлопцы унитарный выстрел. Да, опасность была велика – ведь на самом конце снаряда находился взрыватель, и стоило Анатолию этим взрывателем попасть по столбу, – то не миновать бы взрыву. Но как-то пронесло.

В дошкольные годы, и когда я учился в начальных классах, тогда зимы были очень холодные. Окна в нашей хате были одинарные и от мороза все стекла были замерзшие; чтобы уви-

деть, что делается на улице, нам, малышам, приходилось долго дышать на стекла окон, чтобы растаяло смотровое колечко, – тогда я видел, что делается на улице, сколько выпало снега. А в хате было прохладно, тогда углем мы не топили, – ведь его надо было привезти с железнодорожной станции, а это далеко и привезти было не на чем, так как в совхозе было три автомашины, да еще нужны были деньги на уголь.

Жили мы тогда в условиях натурального хозяйства: по силе возможности сами все производили и сами же все потребляли. Для обогрева хаты в зимнее время частенько использовали солому, сухие стебли кукурузы и подсолнухи. Бывало, вечером в плите жгли определенное время солому до тех пор, пока не нагревалась груба. Затем топку прекращали и ложились все спать, а к утру было уже достаточно холодно в хате. Когда были дрова, то топили дровами, но это было слишком роскошно – проводить топку дровами – они быстро заканчивались. Поэтому мои родители дрова использовали для растопки плиты или печи.

Основным материалом для обогрева зимой у нас являлся «домашний уголь», произведенный из коровьего навоза.

Всю осень, зиму и весну навоз из-под коровы, после уборки ее стойла, складировали в кучу в 5 метрах от сарая. И к окончанию весны накапливалась полуметровая гора. Этот навоз собирался и выкидывался на кучу вместе с подстилочной соломой. А летом, где-то в июне или июле, собирались все взрослые члены семьи и начинали делать с этого навоза большие брикеты и раскладывать по всему двору для просушки. Для этого отец из досок сбивал деревянные формы (2—3 штуки) размером (30 на 40) см, и приступали к работе. Отец вилами, с кучи навоза, скидывал на площадку навоз, при необходимости его брызгали водой; босыми ногами месили, как густую глину, затем вилами заполняли деревянные формы этим навозом и утаптывали ногами. Далее, брали эту форму с навозом, несли в установленное место и вытаскивали на травку, и этот брикет лежал и высыхал. Через неделю его переворачивали, и он лежал до тех пор, пока не становился полностью высохшим. Высохшие изделия заносили в сарай и складировали в штабель. Этот «домашний брикетный уголь» нас спасал от холода в зимнее время. Горел он действительно, как уголь, и горел продолжительное время. Топили им печь и пекли хлеб, горел он и в плите.

За дровами ходили в посадку, – она нас выручала. Дрова из акации, даже будучи сырыми, горели хорошо. Ходил в посадку за дровами 13-ти – 15-ти летний старший брат Анатолий. Он часто и меня брал с собой. Шел он в посадку, когда становилось совсем темно на улице, чтоб никто из соседей не видел. Мне тогда было от 7-ми до 10-ти лет и ходить в посадку с Анатолием не хотелось. Но он тогда говорил: «Пошли со мной, хоть топор понесешь и за дорогой у посадки понаблюдаешь, когда я буду рубить дерево». Посадка находилась от нашей улицы в 800 метрах. К посадке мы шли напрямую, через колхозное вспаханное поле. Подойдя к посадке, Толя сразу искал подходящее дерево, а я выдвигался на метров 50 вперед, переходил посадку на другую сторону, где вдоль нее проходила полевая дорога, становился за удобным кустом и вел наблюдение в ту сторону, откуда мог появиться объездчик, то есть был в готовности предупредить брата, если вдруг будет ехать он на лошади. Я прослушивал местность, напрягал в темноте свои глаза и только слышал удары топора. Брат, срубив дерево, занимался оголением его от веток. Закончив эту работу, он брал на плечо оголенный ствол дерева и нес домой, а я шел следом за ним и нес топор.

За соломой, к совхозной скирде в поле, то же ходил мой старший брат Анатолий, ведь он, начиная с 1953 года, оставался при родителях, будучи самым старшим из детей в их доме, не считая сестры Люды. Идя за соломой, он меня брал с собой. Солому скирдовали прямо на скошенном поле, но ходить к скирде за соломой было намного дальше, чем к посадке за дровами. Ходили за соломой к скирдам, находящимся в 1 – 1,5 км от нашего дома. Собирались и шли к скирде, когда на улице становилось совсем темно. Толя брал специальную сетку и металлическую клюшку для выдерживания соломы со скирды.

Что представляла хозяйская сетка?

Из вербы делались две дуги. Две палки из вербы, толщиной 3—4 см, сгибали дугой и на огне подогревали до тех пор, пока они переставали обратно разгибаться. Клади эти дуги на землю: одну – вправо, другую – влево, изогнутыми сторонами наружу, затем брали клубок льняной веревки, толщиной 4—5 мм и делали сетку с ячейками 15—20 см, привязывая их к деревянным дугам. К одной из дуг привязывали 2-х метровую веревку.

В темное время мы с Толей подходили к скирде соломы. Толя раскрывал и укладывал возле скирды сетку, брал металлическую клюшку, дергал солому и укладывал на сетку. Наложив в сетку громадную гору соломы, Толя брал конец веревки, пропускал через противоположную дугу сетки и приступал плотно утягивать. Я ему помогал. Солома в сетке оказывалась достаточно сжатой и уплотненной. Толя эту сетку с соломой брал на спину и нес домой, а я за ним шел следом и нес металлическую клюшку.

Солома эта использовалась для подстилки корове, стелили на пол в хате и топили плиту.

В 1956 году отпочковалась от нашего дома и сестра Люда: летом, мама повезла ее в г. Днепропетровск. Моя старшая сестра поступила учиться на штукатура в ГПТУ (строительное училище) и училась там один год.

После окончания строительного училища она осталась работать в г. Днепропетровске в одном из строительных управлений треста Днепротяжстрой.

В сентябре 1956 года моя младшая сестра, Нина, пошла в 1-й класс, а старший брат, Толя, закончил 7 классов, таким образом получил неполное среднее образование и пошел в совхоз выпасать стадо телят, – ему было только 14 лет. В этот же год, поздно осенью, он устроился работать скотником на совхозной ферме, где он, наравне со взрослыми, занимался уходом за молодняком лошадей. И работал там два или три года, когда не подошло время идти учиться на курсы шоферов.

Помню, как девяти-десятилетним пацаном, я ему тоже немного на этой ферме помогал. Даже частенько ночевал в его дежурке. В дежурной комнате была плита и даже печка, обогреваемая от плиты. Плиту отапливали тогда соломой и, когда вечером становилась теплая печь, я туда залазил и всю ночь спал. А Толя ночью почти не прилегал, – ходил и все проверял, как там у лошадей. Стояла в дежурке на столе керосиновая лампа. Вечером в дежурку приходили пожилые мужики с улицы: Моргун-старший, Остап Коновал и еще другие. И начинали они играть в дежурке в очко на деньги. А я лежал на печке и наблюдал за ними, за их игрой. Сидели они допоздна, до часов 24.00, или даже позже, а затем только расходились по своим домам.

Осенью 1956 года у нас впервые появился радиоприемник «Родина» на аккумуляторных батареях. Отец купил его у соседа. Вместе с соседом, Василием Настекой, отец установил проволочную антенну, длиной метров 15—20, сделали громоотвод. Мы первый раз, допоздна, точнее, до двух часов ночи, слушали передачи по радио. Тогда как раз был вооруженный конфликт в Египте, в районе Суэцкого канала. Помню, как диктор говорил, что на подбитом корабле погибли египетские женщины и дети.

А вскорости, централизованно, с радиоузла Лиховки провели на нашу улицу проводное радио (провод проложили по обочине улицы на глубине 1 м), и в нашей хате появился радиоприемник. Тогда можно было слушать последние известия, симфоническую и классическую музыку, песни. По этому радиоприемнику я впервые услышал прекрасный голос 10-ти – 12-ти летнего итальянского певца Робертино Лоретти.

До 5-го класса я ни разу не был в большом городе, не видел поездов. После окончания 4-го класса, летом 1957 года, мама повезла меня в г. Днепропетровск. До железнодорожной станции Вольные Хутора приехал я с мамой на кузове грузового автомобиля: в то время автобусы с Лиховки ходили очень редко – один раз в день. На станцию Вольные Хутора подошел поезд, впереди дымил паровоз, мы сели в вагон, и я понял, что такое поезд.

Приехавши в город, мы остановились у тети Маруси, которая являлась родной сестрой тети Оли – жены отцовского брата Ивана, которых уже не было в живых. Тетя Маруся с дядей Колей жили на ул. Матлаховской в одноэтажном домике на двух хозяев. У них, в то время, был сын Валентин, возрастом в 18 лет, проживала моя двоюродная сестра Женя – племянница тети Маруси, 1935 года рождения. Она училась в каком-то институте, а Валентин работал на заводе. Дядя Коля работал на заводе ДЗМО, был любитель голубей, – у него была целая голубятня с сотней разных голубей. Из домашней живности они завели десятка три гусят.

Дня через два моя мама уехала домой, а я согласился остаться и заниматься уходом за гусятами. Ходил и рвал на пустыре траву, приносил ее, резал на мелкие кусочки и потом давал гусятам. Они с удовольствием ее поедали. Так я ходил за травой для гусей каждый день. Будучи в гостях у тети Маруси, я подружился с соседскими пацанами, ростом они были такие как я, но годами младше. Я им говорил, что перешел в 5-й класс, – они мне не верили. Для убедительности я им на следующий день принес и показал свой табель успеваемости, который привез с собой с Лиховки, тогда они поверили. В гостях я впервые увидел и смотрел телевизор. Это был телевизор «Рекорд» первого выпуска с черно-белым изображением, размер экрана – 15 на 15 сантиметров.

Однажды Валентин, сын тети Маруси, собирался на рыбалку и меня с собой позвал. Поехали мы рыбачить на реку Днепр после обеда, там встретились с его друзьями с работы. Пробыли там целые сутки. Я был легко одет, бродил по воде, сильно перемерз ночью. Рыбачили с лодок. После возвращения с рыбалки я заболел и слег в постель с температурой. Тетя Маруся из-за этого сильно разволновалась. Как только я выздоровел, она сразу повезла меня домой в Лиховку. На вокзале, в г. Днепропетровске, я с тетей Марусей сел на поезд и доехали мы до станции Вольные Хутора, а оттуда опять на попутке и опять на кузове грузового автомобиля. Так и доехали до Лиховки. В общей сложности я пробыл в гостях целый месяц.

Итак, в сентябре 1957 года я пошел учиться в 5-й класс. Занятия в 5-м классе начинались с 08.00 часов утра, и было по 5—6 уроков каждый день. Вставать утром приходилось в 6 часов. Будил меня радиоприемник: передачи начинались в 06.00, как правило, – с гимна СССР. Как только заиграет гимн СССР, я вставал, а если не слышал, то мама будила, – она на ногах была с 5-ти часов утра, – умывался, кушал, одевался и выходил из дома где-то в 06.45, а в 07.45 я заходил уже в свой класс. Шел в школу, конечно, не один – с улицы нас собиралось по трое-четверо учеников.

В установленном месте мы договаривались встречаться по времени или, бывало, я заходил к кому-то, или ко мне кто-то заходил, – и мы вместе шли в школу. Поодиночке идти в школу было страшновато, так как, в зимнее время, было темно на улице. Со школы я возвращался с ребятами с нашей улицы, и к 15.00 часам приходил домой, сильно проголодавшись. После 4-го урока уже сильно хотелось кушать. Приходилось терпеть. Поэтому знания туго усваивались. После прибытия со школы, я обедал. После обеда мама заставляла выполнять какую-то работу по дому: поухаживать за кроликами, почистить стойло у коровы, подстелить ей соломки, напоить ее водой, положить в ясли сена. Поэтому за выполнение домашних заданий я садился не раньше 17—18 часов. С 5-го по 8-й класс мне приходилось готовиться к урокам по вечерам, используя керосиновую лампу, – так как электричество к нам провели только в 1963 году. То есть после окончания мной 8-ми классов.

Обучаясь в 5-м классе, мне приходилось много пропускать занятий по целым дням: зимой простывал и болел; директор часто отсылал домой за галстуком, которого у меня не было.

Из-за этих причин в 5-м классе я превратился в неуспевающего ученика. Я тогда запустил немецкий язык и другие предметы, догонять было трудно, и я стал отстающим учеником в классе. Чтобы самому догнать пропущенное, изучая по учебникам, – так у меня же половины

учебников не было в наличии. Вот у меня и зародилась мысль: повторить учебу в 5-м классе по новой, со своими одноклассниками.

В 1957 году мой отец ушел с совхоза им. Кутузова и перешел работать в колхоз им. Суворова. Стал работать за трудодни. Преимущество работы в колхозе, по сравнению с работой в совхозе, заключалось в том, что можно было выписать за трудодни какую-то живность: кабанчика, овечку или теленка, а в совхозе этого нельзя было делать, – не разрешали, потому что там работа оплачивалась только деньгами, а в колхозе, – натурой: зерном и живностью. В совхозе отец получал мизерную зарплату: 100 рублей аванса и 100 рублей получки (курс рубля до 1961 года). За 100 рублей, мне или кому-то из братьев, родители покупали хлопчатобумажный костюмчик, которого еле хватало на годичный школьный период обучения, и еще около 100 рублей надо было, чтобы купить кому-то кирзовые сапожки или ботинки. А детей у моих родителей было восемь душ, – каждого надо было во что-то одеть и обуть.

На фотоснимке 7 ноября 1956 года старший брат Владимир – студент 4-го курса Днепропетровского индустриального техникума – держит маленького брата Ивана. Штаченко Н. Н. – ученик 4-го класса, стоит рядом со своими братьями. В июне 1957 года мой старший брат Владимир закончил индустриальный техникум и был направлен работать в г. Запорожье на металлургический завод «Запорожсталь». Поработав два-три месяца на заводе, Володя приезжал в отпуск в Лиховку. С первых своих зарплат он накопил нам всем подарки. Помню и мне он привез подарок – клетчатую рубашку. В конце октября 1957 г. (на 24 или 25 октября) он получил повестку в армию и приехал в Лиховку. Мои родители организовали ему проводы. Он хоть был и моложе, на 2 года, старшего брата Виктора, но призывался в армию в один год с ним.

Он служил всего три года в морской авиации, в метеорологической службе, в г. Геленджик, Краснодарского края.

А буквально через три недели после проводов в армию брата Володи, приехал в Лиховку самый старший мой брат Виктор, то же, получив повестку в Армию. И 11 ноября 1957 года мои родители так же организовали проводы его в армию.

Почему его призвали в армию позже младшего брата Владимира? Он два года учился в железнодорожном ремесленном училище в Днепропетровске, которое окончил в 1954 году и надо было ровно 3 года отрабатывать. Поэтому его призвали в Морфлот только в 1957 году в возрасте 22-х лет. И загудел он в Морфлот на все четыре года. Сначала он учился с пол-года в г. Пинске на моториста корабля, а затем его направили служить в Черноморском флоте. В последний год он служил в г. Измаиле.

В августе 1958 года мои родители решили поехать на Кировоградщину в гости к родственникам моего отца. С собой они взяли троих детей: Нину, Ивана и Валю. Я ехать не захотел, остался с братом Анатолием на хозяйстве.

У нас была голубятня и много заводских голубей. Голубятню отец построил сам в 1952 году. Чтобы к голубям не залезли ни коты, ни куницы, отец построил голубятню на рельсе, которую забетонировал в земле. Наверху рельсы болтами привинтил металлическую крестовину и начал сооружать деревянный пол голубятни, затем боковые стены и, в последнюю очередь, крышу. Затем покрасил голубятню черной краской. Внутри на задней стенке отец, из фанеры, сделал с десяток мест для гнезд голубей. В голубятню можно было забраться только по массивной лестнице, которую я еле-еле подымал. За несколько лет у нас развелось много голубей. Я любил лазить к голубям и смотреть на них, как они воркуют; заглядывал в гнезда и играл с молодыми голубятами.

Отец развел много породистых голубей, – как тогда он их называл, – это были голуби «Николаевской» породы, были еще и «вертуны», которые при полетах вертелись через голову, делая обороты в 360 градусов. «Николаевские» голуби, – они не просто летали по прямой, когда их сгоняли, – они летали малыми кругами над голубятней и подымались все выше и выше, долетая до самых облаков, и, таким образом, под самыми облаками могли летать, будучи на одном месте по нескольку часов. В это время я любил наблюдать за их полетами. Простилал во дворе какое-то старое одеяло, ложился на спину и, лежа, наблюдал за полетом голубей, – а в глазах от них мерцали только маленькие точки. И так я мог лежать и часами наблюдать за их полетами, пока они медленно не начнут снижаться и не садут на голубятню.

Помню, как мой отец приобрел у своего знакомого, тоже любителя голубей, красивую, черно-белую голубку, которую он, и все мы, называли «чайкой». Она была очень крупной голубкой. Приобрел ее отец поздней осенью. До весны она привыкала к нашей голубятне; на ней спаровался один из одиноких голубков, – и образовалась парочка.

Весной, в апреле месяце, отец открыл голубятню впервые после зимовки, то есть выпустил голубей. Они все вышли с голубятни, повывлезали на ее крышу и начали греться на солнышке. Наблюдая за голубями, я увидел, что они кого-то испугались и взлетели, поднялись вверх на метров 200 и начали делать круги над голубятней, и тут, где ни возмись, со стороны посадки, налетел сокол-сапсан. Все наши голуби с большой скоростью полетели вроссыпь, а наша «чайка», оторвавшись от остальной группы голубей, быстро полетела в сторону зеленого, озимого колхозного поля за нашим огородом; смотрим с отцом, – сокол-сапсан устремился за ней. «Ну, все, – сказал отец, – теперь он ее унесет». Я побежал через свой огород к озимому полю и увидел, как сокол-сапсан нанес удар нашей «чайке», – с нее посыпалось только перья вниз. Но наша «чайка» оказалась тяжелой, – он ее не мог унести, а медленно, держа ее в когтях, опустился вниз и сел на зеленое поле. Мне оставалось бежать к ним метров 200, и я начал сильно кричать, отвлекая сокола, чтобы он ее не убил ударом своего клюва по голове. Подбежав к ним поближе и, не добежав 30 метров, я увидел, как сокол-сапсан, бросив свою жертву, поднялся и улетел прочь. Я с расстояния увидел, что голубка наша живая, – сидит и водит своей головкой. Когда я приблизился к ней на метров 8—10, она взлетела и полетела

к нам домой. Так что, благодаря моей реакции и быстрой скорости, я спас нашу голубку-чайку от гибели.

До 1953 года мой отец содержал голубей на чердаке сарая-коровника. Боковушки фасада чердака сарая были из глины; со стороны двора на чердак можно было залезть по лестнице через метровые двери; выше дверей, и на противоположной стороне фасада, были небольшие окна, так что на чердаке было светло в дневное время. Поднявшись по лестнице, мы забирались на чердак, где и находились наши голуби. В верхней части чердачных дверей были вырезаны два отверстия диаметром в 10 см каждое. Они предназначались для выхода голубей на двор, при необходимости, их можно было закрывать задвижками.

Когда были зимой сильные морозы, то на чердаке было очень холодно, и, иногда, голуби примораживали свои лапки. Приморозив лапки, голубь ходить не мог, и нам надо было лечить такого голубя. Я помню, когда еще не ходил в школу, то и я научился лечить таких голубей. Наливал в тазик горячей воды, насыпал 3—4 столовых ложки соли, размешивал в воде, а затем брал пораженного голубя и парил ему лапки; парил минут тридцать. Затем лапки вытирал тряпочкой, укутывал их вместе с голубем и в таком состоянии я его держал до высыхания. Где-то через час после моих процедур, голубь уже хорошо ходил, как и ничего не бывало. Но голубя надо было держать в хате несколько дней, до полного выздоровления, иначе, если его сразу на холод, на чердак, то он приморозит лапки по новой.

Вспоминаю, как в холодную зиму с 1952 на 1953 год, у нас на чердаке замерз «Николаевский» голубь светло-коричневого цвета, – я его на чердаке заметил, будучи вместе с отцом. Я начал плакать. Отец, чтобы успокоить меня, сказал: «Коля, ты его попарь в соленой воде, может он и оживет». В хате я его всего долго парил в горячей соленой воде, но тщетно, – голубь не ожил, и я вновь начал плакать за голубем. Мама меня начала успокаивать: «Коля, не плачь, давай мы сейчас напишем письмо Вите в г. Днепропетровск (он учился в ремесленном железнодорожном училище), он пойдет на голубиный базар и точно такого же купит тебе голубя». Позвали сестру Люду, и она начала писать письмо, а я ей диктовал, какого голубя надо купить. Диктовал я подробно: «...пиши, Люся, чтобы купил Витя светло-коричневого голубя, с белым хвостом, и не забудь написать, чтоб в хвосте было два коричневых перышка на краю...».

Письмо Виктору было написано, и Люда на второй день его отдала почтальонше. Я после этого немного успокоился, а со временем уже больше не вспоминал о замерзшем голубе. На сколько помню, – то, мне кажется, – Виктор никакого голубя и не привозил с города.

А еще, задолго до этого случая, где-то в году 1950-м, две парочки голубей у нас содержались прямо в хате. Отец соорудил им два гнезда и их поставил под одной из кроватей. Так они целую зиму у нас и зимовали. По хате они не летали, а ходили по полу и к нам привыкли. В то время подстилок не было, – пол застилали соломой, чтобы босиком не холодно было. Через несколько дней эту грязную солому собирали и сжигали в печке, а чистую, – вновь стелили.

Так вот, эти голуби среди зимы начали мостить гнезда: одна из голубок одной пары, сидела на гнезде, а ее напарник, голубь, носил ей в клеве соломинки. Все, кто был в хате, наблюдали за голубями. Голубка сидела на гнезде, голубь приносил ей соломинки, и тут мы услышали воркование голубки; голубь вышел из-под кровати за очередной соломинкой, и прежде чем взять очередную соломинку, начал воркотать, затем взял и понес. Тут же, ко всем нам, обратился отец и сказал: «Вы поняли, что ответил своей голубке голубь? Он ей ответил: «Я знаю, какую ты хочешь соломинку!» Так что наш отец понимал, о чем разговаривают голуби.

В то время, когда родители ездили на Кировоградщину, в одном гнезде подросла пара голубят, которые только начинали летать. Когда уехали родители, я брал по одному из голубят, слезал с лестницы на землю и начинал их пускать и смотреть, как они уже летают.

В один из дней, в период отсутствия родителей, я достал одного из летающих голубят, слез на землю, посадил его на руку и чуть-чуть подбросил. Голубя полетело в сторону колодца, а крышка в колодец оказалась открытой. Голубя начало садиться на козырек колодца, соскольз-

нуло, полетело вниз и булькнуло в воду. А глубина-то колодца у нас была 20 метров до воды. Я быстро опустил ведро на тросике и пытался выловить его, но не мог никак поймать его ведром. Пока пытался выловить, то голубя и вовсе утонуло в холодной воде. Вытащил его ведром из колодца, а оно уже оказалось мертвым. Я сильно перепугался: что же будет мне от отца, когда он узнает?

Через три дня, – смотрю в сторону колхозной фермы и вижу, – возвращаются мои родители с сестрами и братом. Что же мне делать? Если узнает отец, то мне не миновать ремня. Я заранее спрятался в кукурузном поле. Сижу и наблюдаю за домом. Настает вечер, – я домой не иду, все боюсь. Когда становилось совсем темно, подумал: «Куда же мне идти, где ночевать?» В конце двора стояли ясли для коровы (это глубокий желоб, в который высыпали траву для коровы) размером в длину где-то метр двадцать и в ширину – на дне – сантиметров 50, высота желоба – сантиметров 50—60. И вот я использовал этот желоб для своей ночевки.

В одну из ночей я лежал в этих яслях и слышал сквозь сон, как что-то зацарапало по желобу, я открыл глаза и увидел над собой большую голову черного пса. У меня от неожиданности волосы поднялись дыбом и побежали мурашки по коже, – сильно он меня перепугал. Я как гаркнул на пса, он моментально отскочил и побежал в сторону. Я поднял голову и выглянул с желоба – увидел большущего пса. Потом до утра я не смог уснуть. А чуть-чуть рассвет, – я опять в кукурузу. Кушать забегал тайком в летнюю кухню. Так я трое суток прятался. А в последнюю ночь меня поймали. Лежу в желобе ночью, сплю. Брат Толя был уже парубком и поздно приходил с гулянок. Вот в одну из ночей он пришел домой, его встретила мама. Они наверно догадались, где я ночую: потихоньку подкрались к яслям для коровы и поймали меня. Мама начала уговаривать меня, мол, не бойся, отец бить не будет, он даже и не заметил, что нет молодого голубя. Я сопротивлялся, не верил, но, вконец, сдался и согласился идти ночевать в хате.

После окончания 5-го класса (конец мая 1958 г.), мне классный руководитель объявил, что я оставлен в 5-м классе на второй год.

И вот начался новый учебный год в школе; я пошел учиться повторно в 5-й класс. Как там меня восприняли ученики – мои одноклассники? Да, в этом классе я так же был ниже остальных ростом, – стоял в строю на физкультуре опять последним. Я в этом классе был новичком, поэтому, как часто бывает в таких случаях, на меня градом посыпались насмешки, унижительные клички. Я злился, но одному против большинства не попрешь, приходилось все терпеть. Дать отпор, и кому-то врезать по ушам, – силенок не хватало, ведь был еще слаб физически. Но за учебу решил взяться не на шутку. Мне было легко учиться: ведь пошел на повторный курс. Теперь легко давались и алгебра, и геометрия, и физика, да и химия. Контрольные по алгебре и геометрии я первым выполнял. Впереди сидящие девочки и мальчики, во время контрольных, все оглядывались да просили подсказать. За что имел я замечания от учителей. А физика, – успевал по ней я на «отлично». Сдавая выпускные экзамены за 8-й класс, я был единственным в классе, кто сдал физику на «отлично».

Обучаясь 6-м классе я, впервые за всю учебу в школе, получил незаслуженное сильное физическое и моральное оскорбление, которое запомнил на всю жизнь. Это было где-то в декабре 1959 года. В школе была большая перемена. После перемены должен был начаться урок по алгебре. Все ученики выстроились по обе стороны от классных дверей, тем самым создавая живой коридор. Я решил первым, не дожидаясь звонка, зайти в класс. И тут неожиданно, с левой стороны, меня толкнули два ученика (Самойленко Николай и Самарец Иван). Я этого не ожидал и, от этого толчка, полетел в правую сторону, натолкнулся на Тараненко Николая, Анатолия Лана и Гупала Ивана. Те, без всякого предупреждения, бросились на меня с кулаками и начали бить в лицо. Разбили сильно мне нос, – и кровь потекла ручейком. Тут зазвенел звонок. Все зашли в класс на урок. Я остался в коридоре и под краном минут 20 останавливал кровь и промывал себе нос. Вытекло наверно грамм 200 крови – так сильно мне рас-

квасили нос. После, я постучался и зашел в класс на урок. Об этом происшествии учитель, наверно, не сообщила директору школы, так как никто разбором этого проступка не занимался. К директору ни меня, ни содеявших проступок учеников, не вызывали. Родителям, что меня избили, я не говорил. Как-то было стыдно об этом говорить родителям. Я не пожаловался об этом своему старшему брату Анатолию. Не пожаловался ни родителям, ни старшему брату потому, что не хотел, чтобы меня ученики-одноклассники посчитали жалобщиком. Вот и утаил все. Но обиду и злобу на своих обидчиков я сохранил на всю жизнь. Даже сейчас, по истечению стольких десятков лет, я с большим бы желанием сполна отдал бы долг каждому своему обидчику.

Как я проводил летние каникулы?

Продолжались школьные летние каникулы три месяца. Приходилось в это время и помогать родителям по хозяйству, и отдыхать с ребятами с нашей улицы. Начиная с 5-го класса, я помогал родителям выпасать коров. Выпасалась наша корова в очереди. Выпасали череду по очереди, по два человека. Когда подходила очередь к нам, то приходилось пастухом быть мне. Выпас коров летом осуществляли с 06.00 и до 19.00 часов. А еще, по соседству с нами, жили одинокие старые женщины, и когда подходила очередь до них, так они просили маму, чтобы за них кто-то из детей шел выпасать коров. Раньше использовался брат Толя, а когда мне было лет десять-двенадцать, то это возлагалось уже на меня. В остальные дни родители мне поручали заготавливать подкормку корове на ночь: накосить и привезти мешок травы с посадки, привезти кормовой свеклы и другое. Были у нас кролики, – то заготовка ежедневных кормов для них так же легла на меня в это время.

Держали родители и гусей. До пятого класса я их выпасал летом почти ежедневно. Однажды, я выпасал гусят не далеко от посадки, на краю кукурузного поля. И случилось так, что мои гусята подверглись нападению лисы. Взрослые гуси подняли гогот, гусята запищали и начали убежать. Я увидел, как лиса хватается одного гусенка, но не может унести – тяжеленький уже был. Я рванул к тому месту, отбил гусенка, лиса его бросила и убежала. Гусенок остался жив, только спинку ему лиса прокусила.

Я не только летом ходил за травой для кроликов, но и ходил с косой по посадкам и косил траву для сена, для зимней их кормежки. Начиная с 1958 года, кроликов мы держали в клетках, которые располагались в сарае. До окончания 8-го класса уходом за кроликами, как летом, так и зимой, занимался исключительно я один. Я почти через день чистил клетки, задавал им корм. Когда я чистил клетки, то кроликов выпускал с клеток, и они у меня бегали по сараю. Чтобы они не выбегали на улицу, я крышкой от стола перегораживал наполовину дверной проем. Когда клетки были вычищены, я начинал загонять кроликов по своим местам. К ноябрю месяцу у нас молодняк вырастал, и мы начинали их забивать.

В последующем, во время уборки у кроликов, я стал их приучать к улице – не стал закрывать двери сарая; выходил на улицу и смотрел, что же будут делать кролики. Они несмело начали выдвигаться с дверей сарая на улицу. Я им разрешал побегать во дворе недалеко от дверей, а затем издавал свист, и они стремительно все забежали в сарай, а дальше, – по своим клеткам.

В дальнейшем, я им разрешал бегать по всему двору, и как только я издавал свист, – они бежали все, со всех кустов, в сарай и моментально забежали в свои клетки. Зимой то же они бегали по снегу. На зиму отец оставлял штук пять кроликов: три-четыре крольчихи и одного кролика. Так что уследить за ними во время их прогулки во дворе было легко.

Потом стало нормой, когда я приходил в сарай для уборки у кроликов, я сразу открывал все клетки, они убежали на улицу и бегали по двору, а я приступал к уборке клеток, не следя уже за кроликами. Закончив эту работу, я выходил на улицу, издавал свист и наблюдал, как все кролики бежали в сарай. Даже мама удивлялась и говорила: «Какие ученые стали у тебя кролики?!»

Но все-таки, через пару лет, когда я заканчивал 8-й класс, то видели, что какой-то кролик бегаёт по огороду и роет норы. Наверно избежал этот кролик от нас.

Где-то с 1958 г. пошла по селам хрущевская агитация, чтобы все селяне сдавали своих коров на фермы, а молоко можно выписывать в колхозе и ежедневно его получать. Для ускорения процесса, руководство совхозов и колхозов организовали вспашку всех, удобных для выпаса худобы, угодий. И селяне вынуждены были сдавать своих коров в колхозы. Люди до того начали сдавать коров в колхоз, что на нашей улице осталось всего 8—10 коров, в том числе и у нас осталась. Выпасали этот гурт коров по очереди. Я тоже их выпасал.

Помню, в мае месяце, выпасая коров, я одновременно в поле, в день подготовки, готовился к сдаче экзаменов за 5-й класс, зубрил по книге правила и ответы на вопросы, и приглядывал за коровами, чтобы паслись на лугу и не лезли в кукурузные и пшеничные поля.

Начиная с 1960 года, мы держали корову с Иваном Гляненко на двоих хозяев. Мои родители свою корову сдали на мясо, а полкоровы купили у Гляненка Ивана. Содержали ее так: три дня держали ее у себя дома Гляненко, а затем она была у нас три дня. Вот таким образом и чередовались. Три года корова удерживалась на двоих хозяев.

В обращении с людьми эта корова была спокойная, но других коров она не любила, – все время с ними билась. Поэтому ее другие люди, с нашей улицы, не хотели, чтобы она выпасалась в гурте с другими коровами, – она устраивала драчливые поединки с другими коровами. А в июне 1963 года, когда я обучался в ГПТУ, она в одном из драчливых поединков заколола корову Нестора Кротенко. Дала рогами в бок этой соседской корове и попала в сердце. Ей надпиливали рога, прикрывая рога, привязывали доску. Намучились с ней мои родители и ее основные хозяева, затем или продали ее, или сдали на мясо. Мои родители решили приобрести корову только для одних себя.

В свободное от домашних работ время, летом, я с ребятами ходил купаться на речку «Вирка», под Бузовой, или на глубокое озеро «Виницкое», под Ганевкой. И купались мы там с 10.00 до 16.00. Купались, выходили с воды, ложились и согревались на солнце, загорали, затем опять купались, ныряли без усталости, занимались играми в воде; наиболее отважные, в том числе и я, переплывали озеро, – а оно было длиной метров 300.

Плывать я научился после 3-го или 4-го класса. Учился я плавать в речке «Вирка», что под самой Бузовой. Эта речка шириной не больше 15 метров. Все ребята с нашей улицы знали, где самое глубокое место на этой речке. Поэтому мы учились плавать немного в стороне от него, а ребята постарше, – ныряли и плавали на глубоком месте. Мы собирались вместе: я, Петя Стюпан, Леня Озерной, Моргун Вовка и еще кто-то с нашей улицы, и, когда солнышко пригревало, вода нагревалась где-то к 10.00, – мы шли к речке купаться. Обучение плаванию у нас начиналось с ныряния в воде. В первую очередь мы научились нырять. Обучались нырять вдоль берега, где была глубина по колени. Когда научились хорошо и далеко нырять, то начали соревноваться: кто пере нырнет речку от берега к берегу, и так постепенно, за одно лето, каждый научился и плавать. В последующие годы, мы уже плавали на глубоком месте речки, учились, с разбега и прыжком, нырять головой в воду.

Начиная с мая месяца, и когда наступало лето, я начинал ловить сусликов капканами. Закидывал на спину связку капканов, штук пятнадцать, шел, или ехал велосипедом, в Лоринскую долину; и на косогорах, и на лугу искал свежие сусличьи норы. Найдя свежую нору, ножичком вырывал возле нее углубление для капкана, устанавливал капкан; затем его маскировал свежей травкой с таким расчетом, чтоб никто из посторонних не заметил и не забрал капканы. Для быстрого нахождения мест установки капканов, я втыкал в землю небольшие палочки вместо ориентиров. Установив таким образом все капканы, я садился на велосипед и уезжал домой. Проверку капканов я осуществлял через несколько часов, – там уже в них сидели пойманные суслики. Конечно, не в каждый капкан попадался суслик, – были и пустые

капканы, – суслики в этих норках не обитали, приходилось переставлять капканы на другие норки.

После 10-го августа на баштанах начинали поспевать арбузы. А когда они начинали поспевать, то это поле начиналось охраняться двумя сторожами. После окончания 5-го класса, и до отъезда на учебу в ГПТУ, я с хлопцами, как правило, по ночам ходил за арбузами на совхозное поле. Арбузные поля высевали подальше от населенного пункта, – возле абрикосовой или маслиновой посадок; было чередование: один год посеют возле абрикосовой посадки, а на следующий год, – перед маслиновой посадкой или за ней.

Мы ходили за арбузами с учетом бдительности сторожей. Знали, что, если только стемнеет, сторожа начинают делать обходы арбузного поля и обходят его где-то до 24.00 или до 02.00. Сторожа всегда были вооружены ружьями, и мы боялись получить от них пучок соли в мягкое место. Сторожами были мужчины: Остап Коновал, дед Драбина и Владимир Хейлик. Мы понимали, что сторожам необходим отдых и догадывались, что они где-то с 03.00 и до восхода солнца, то есть до 07.00, – обязательно спят. Вот в это время мы смело могли заходить на арбузное поле и выбирать спелые арбузы, даже не пригибаясь и вполголоса разговаривая.

Для отдыха и нахождения в дневное время, в период жары, сторожа сооружали возле посадки шалаш. Поэтому в ночное время мы заходили на арбузное поле совсем с противоположной стороны, то есть подальше от их шалаша.

Мы собирались в поход за арбузами втроем или вчетвером. Я с хлопцами договаривался о том, когда мы пойдем за арбузами, и все мы собирались с вечера в нашем дворе; забирались на чердак нашей кухни и одетыми ложились на соломе спать. Кто-то из ребят просыпался первым, смотрел на часы и подымал остальных; и мы начинали собираться ехать за арбузами. Бывали случаи, что никто не просыпался, – и мы продолжали спать до тех пор, пока солнце не подымалось высоко. В таких случаях эта попытка проходила вхолостую, – поездка за арбузами отпадала.

Тогда я начал просить маму, чтобы она нас будила ночью в 03.00 часа. Когда подходило это время, она нас будила; мы все подымались, протирали глаза и собирались ехать на арбузное поле. Велосипеды, с привязанными мешками к багажникам, стояли возле нашей кухни во дворе. Мы потихоньку выходили со двора, садились на велосипеды и ехали по дороге Лиховка – Мишурин Рог до самой маслиновой посадки, а затем по полевой дороге, вдоль маслиновой посадки, еще ехали метров 500 вниз. Ночи были лунные, так что ехали на велосипедах без включенных фонарей. За метров 150—200 от арбузного поля мы останавливались, велосипеды оставляли в маслиновой посадке, а сами, прихватив в руки мешки, шли к арбузному полю наискосок по кукурузному полю, чтобы выйти с кукурузы и быть немного в стороне от посадки. Достигнув окраины кукурузного поля, мы останавливались перед арбузным полем, всматривались в него, вели прослушивание и, никого не обнаружив, заходили на поле, и каждый начинал себе выбирать арбузы. Набив мешки, с учетом возможности их поднять и закинуть на спину, мы через кукурузное поле возвращались, отыскивали свои велосипеды, увязывали и грузили на багажники мешки с арбузами, и тем же маршрутом возвращались домой, – каждый ехал к своему дому.

Однажды мы поехали за арбузами, вышли на окраину кукурузного поля и, присевши, начали наблюдать за арбузным полем. Как раз ярко светила луна; смотрим, на арбузном поле в метрах 15-20-ти от нас, кто-то ходит; мы подумали, что это сторожа. Мы потихоньку развернулись в обратную сторону, – и тут Моргун Вовка, как крикнет: – «Вперед!» Мы все как рванули бежать по кукурузе, так летели к велосипедам, – только листья по ушам били да ветер свистел. Прибежали к велосипедам, быстро на них сели, и сколько есть силы, – покрутили педалями, чтобы побыстрее приехать домой. Пару километр отъехали и расхохотались: все начали говорить, что это, наверно, такие же сторожа, как и мы. Вторую попытку попасть на баштан, в эту ночь, мы не повторили.

В период летних каникул, начиная с 1959 года, я с ребятами, по пару раз за лето, ездили на рыбалку на р. Днепр. Обычно мы собирались втроем или вчетвером: я, Коля Кротенко и Петя Стюпан, четвертым ездил с нами Леня Озерной. Ездили на рыбалку на велосипедах. Рыбачили не удочками, а заранее готовили по три-четыре закидки. Конечно, снасти тогда у нас были несовершенно совершенные. Хорошие снасти дорого стоили, а денег на них никто не давал. Поэтому мы ездили на рыбалку с примитивными снастями, – об этом говорили и наши уловы. Вырезали с дерева рогатины, наматывали на них толстую леску длиной метров 20—25; в конце лески привязывали свинцовое грузило; выше грузила привязывали по три поводка с крючками. Крючки покупали дешевые и, естественно, не очень качественные. Поводки с крючками привязывали к основной леске на расстоянии 25—30 см друг от друга. Длина поводков составляла от 10 до 15 см. Для насадки на крючки мы заготавливали земляных червей, – каждый для себя собирал их в баночку. Для приманки мы ничего не заготавливали. Брали еды себе на сутки, – в основном бутерброды (хлеб с салом, колбасой) и воду. Также брали с собой и теплую одежду, потому что ночи бывали холодные. Выезжали на рыбалку, как правило, после обеда.

Собирались мы вместе, садились на велосипеды и выезжали на дорогу Лиховка – Мишурин Рог; по этой дороге ехали до поворота направо, на Лоринские луга; проезжали по полевой дороге мимо совхозной коровьей фермы, затем, по дороге мимо озера Винницкое, параллельно селу Ганевка, ехали до самих Мостов. По маршруту до р. Днепр проезжали еще несколько небольших сел. И последнее, перед рекой Днепр, – с. Днепрово-Каменка. Подъезжали к реке Днепр, справа или слева от дороги, выбирали удобное место для рыбалки, располагались и готовили снасти.

От нашей улицы до р. Днепр было, кажется, 18 километров. В общей сложности мы тратили на движение к реке часа 2—2,5. По прибытию к месту рыбалки, мы разворачивали и закидывали свои закидки. Клев был с вечера слабый, и мы всегда ожидали раннего утра. Перед наступлением темноты, мы делали последние насадки, закидывали свои закидки на всю ночь, а, чтобы слышно было ночью, как клюет рыба, мы прикрепляли звоночки. Бывало, что за всю ночь не было ни одной поклевки; иногда бывали. Как правило, ночью клевал лещ. Были мы молодые, ночью спать хотелось, поэтому часто просыпали поклевку. После рыбалки я привозил домой 3—4 небольших леща, – вот и вся моя рыбалка. Такая рыбалка надолго отбивала охоту порыбачить. Поэтому мы и редко туда ездили.

Однажды, будучи на рыбалке на р. Днепр, я рано утром вытаскивал свои закидки после ночи. Тяну одну закидку – вытягиваю небольшого леща, тащу вторую – еще один лещ. Я начал тянуть леску третьей – и вдруг по леске сильный удар, стало тяжело мне тянуть, – и тут я увидел, как большая щука, до метра длиной, резко потянула по верху воды вправо, затем развернулась и повела влево. Потом я ощутил резкий рывок и леска моя ослабла, – щука перекусила мою леску и ушла. Оказывается, когда я начал вытаскивать леску третьей закидки, на крючке был небольшой подлещик, щука его проглотила и попала на крючок. Если бы у меня были на закидке металлические поводки, то щука бы не ушла, она не смогла бы перекусить такой поводок, и я смог бы иметь хороший улов.

Каждый раз мы рыбачили на р. Днепр до 12.00 часов, а после, – сворачивали снасти и возвращались уставшие домой.

А еще мы, в летнее время, ходили по посадкам. Ходили часто к самой отдаленной от нас посадки – маслиновой. В этой посадке, внутри ее, росли большие деревья дуба, клена, а передний и последний ряды посадки – деревья маслины и шелковицы. Когда поспевала шелковица, мы ходили ее собирать и кушать. Сначала наедались, а затем подстилали под деревом тонкое одеяло или простынь и трясли деревья. Так набирали по целому ведру шелковицы.

Когда поспевала маслина (а это поздней осенью), то ходили и собирали маслину. А так как мы были пацанами-школьниками, то интересовались всем, что было в посадках, – а там было много птичьих гнезд. Помню, как я залазил на самую верхушку дуба, – там было соро-

чье гнездо, и в нем – большие оперенные сорочата. Трудно было найти отверстие в сорочьем гнезде, но я добирался до молодого выводка и доставал их. Какие они были злые, – и молодые и взрослые сороки; молодые клювами хватили за пальцы, а их родители кружили и стрекотали над самой головой.

Также, в посадке летом, было много гнезд сорокопутов.

Я тоже лазил по деревьям и добирался до гнезда этой хищной птицы; она по размерам почти такая, как скворец. Бывало, идем по посадке и высматриваем гнезда. Увидев с земли гнездо, начинаем смотреть, что там в гнезде имеется. Если замечали больших птенцов, то было интересно их подержать в руках. И кто-то из ребят начинал лезть на дерево.

Что начиналось? Взрослые сорокопуты подымали стрекотание, начинали пикировать над головой, готовые клювом ударить по голове. А к птенцам-то дотронуться тоже невозможно, – кричат и хватают своими клювами за руку. Приходилось их брать с гнезда, опускаться на землю. Когда все ребята хорошо их посмотрят, затем кто-то лез на дерево и обратно их садил в гнездо. Когда мы уходили, то пара сорокопутов нас преследовала и сопровождала метров до 100 от их гнезда, и все с криками пикировали над нашими головами.

Иногда, в тени деревьев, хлопцы играли в карты в подкидного. Я тоже играл до 8-го класса. Но, когда понял, что эти игры в карты всего лишь пустая трата времени, – я перестал садиться играть, и до сих пор ни разу не садился за карты.

А зимой по воскресеньям, как мы проводили время? Собирались по человек пять-шесть, я брал с собой собаку по кличке Барсик – овчарку и, с часов десяти утра, – в поход по степям, лугам, посадкам и болотам. Пес Барсик бегал впереди и выгонял зайцев, а выгнав зайца, начинал его преследовать; через метров 500 преследования, он потихоньку отставал и продолжал преследование с лаем. И так он преследовал зайца с километр, отставал и возвращался ко мне.

В болотах мы жгли камыш, а также кучи перекасти-поля в степи, а мой пес бегал вокруг да ловил и поедал мышей, выбегающих из пылающих куч сухой травы. Приходили домой, после полевых прогулок, под самый вечер, когда уже смеркалось, голодные и уставшие. С еды я мог с собой брать пару кусочков хлеба, намазанных смальцем. Вот и вся еда на целый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.